

Ника
ОБОЛЕНСКАЯ

УСЛЫШЬ
МЕНЯ

Вера
для
МАЖОРА

современный молодежный
роман

Ника Оболенская

Вера для мажора. Услышь меня

<https://litres.ru/74212772>

Аннотация

НОВИНКА ПРО СПЕЦНАЗ:

— Ты глухая...

Растерянность во взгляде Веры Зайцевой сменяется жгучей ненавистью.

— Надо же, — она выплевывает слова, как отравленные пули, и вырывается из моих объятий.

— Догадался, наконец. Да, глухая, и че? Теперь ты доволен, урод?

— Доволен? Да я полном шоке!

Тимофей Сафонов — мажор, которого прислали к нам в центр на «перевоспитание». Избалованное создание.

Между нами — война. Но каждая война рано или поздно заканчивается перемирием. А за ним следует то, от чего сладко сжимается сердце и перехватывает дыхание.

Мажор и глухая девчонка — что может быть безумнее? Но что делать, если мы оба не знаем, как это безумие остановить?

наглый мажор

героиня не слышит, но себя в обиду не дает (и вообще не дает)

эмоциональные качели

дерзкие диалоги

Однотомник. ХЭ

ДРУГИЕ КНИГИ ЦИКЛА "Горячие RED флаги":

История про Алекса Бессонова

Содержание

1. Вера. Энтузиаст	5
2. Вера. Сделай ему больно!	10
3. Тим. Похмелье, труп и батя	16
Герои истории	23
4. Тим. Наставник	24
5. Вера. Бабуин	29
6. Тим. Ведьма	33
7. Тим. Так даже интереснее	39
8. Тим. Вендетта	45
9. Тим. Секрет ведьмы	49
10. Тим. Глухая	57
11. Тим. пытки	65
12. Вера. Читай по губам	71
13. Вера. Гаденыш	76
14. Вера. Женщина в белом	80
15. Тим. Треш	86
16. Тим. Злая	91
17. Тим. Защитнички	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

1. Вера. Энтузиаст

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания, а также ненормативная лексика.

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении.

— Мальчики, я не смотрю! — кричу, залетая в мужской туалет. — Щас быстренько пописаю и свалю.

А что поделать, если в женский — километровая очередь, а мочевого пузыря у меня один, единственный и неповторимый? Я и так терпела дискомфорт почти час.

Парни у писсуаров скалятся, выворачивая морды. Их голоса сливаются в один дребезжащий гул. Мельком читаю по губам, к кому из них я могу присесть на шесток.

Мачомены херовы.

С писькой наголо, а все туда же!

В другой ситуации я бы с удовольствием посабачилась в ответ, но я сейчас просто лопну!

Какая-то парочка энтузиастов неистово и с огоньком сошется у зеркала. Телка так приникла к эмче, что еще немного

— и рыжуха покажет фокус самки богомола. Откусит бедолаге башку. Ее рука с опасно длинными красными когтищами активно шурует в районе его ширилки.

Буэ! Мерзость-то какая!

Едва сдерживаю рвотный позыв, захлопывая за собой дверь свободной кабинки.

Делаю свои делишки, а когда тяну дверь на себя, нос к носу сталкиваюсь с тем самым энтузиастом. Уперевшись руками в проем, этот выживший самец богомола преграждает мне путь.

Черт! Я его не услышала!

Быстро стреляю глазами ему за спину, но его бесноватой телки на горизонте не видать.

В ахуе несколько секунд молча пялюсь на эту оборзевшую блондинистую морду. Морда, кстати, смазливая. Черты лица хоть и крупные, но достаточно гармонично сочетаются между собой.

Я бы, может, в другой ситуации, даже признала парнишу красавчиком... но всю малину портит выражение на этой породистой морде.

Такое, знаете, скотское.

Будто он уже заранее оценил меня, купил, поимел и бросил. А я в лучших традициях бразильских сериалов еще сто пятьсот серий бегала за ним, пытаюсь доказать, как он мне безразличен.

Ага, щаз! Бегу и падаю!

— Привет, — гудит он, растягивая звуки.

Его голос настолько низкий, что пробивает мою тугоухость.

— Клапан прижало? — ершусь и поджимаю губы.

Богомол, покачиваясь, дергает ртом в подобии ухмылки, и из этого рта вылетает:

— Сколько?

Ну что я говорила?

Складываю руки на груди и неторопливо окидываю взглядом эту отрыжку мудака... ой, простите, мужика!

Хотя, нет, постойте. Я не ошиблась.

Одетый в моднявые шмотки пижон, благоухающий как парфюмерный бутик — и есть мудака. Наверняка у него полный лопатник денег и кро-о-охотный кривой член.

— Ты явно ошибся адресом, — говорю, смело глядя в нахальные и какие-то пустые глаза. — Я не трогаю чужие пизюны за деньги.

— Филантропка, что ли? — ржет этот гад и резко подается вперед, почти втискивая меня обратно в кабинку.

Лицо обдает сивушными парами. Да он же пьяный в дрова!

— Ради такого случая могу дать за щеку бесплатно.

Я успеваю прочесть эту пошлятину по губам, когда еблан сгребает меня в охапку и прижимает к своему сокровищу в штанах.

Э, какого!..

— Пусти, урод! — рывкаю и толкаю его в грудь, отвоевая пространство для вдоха.

От него так смердит алкашкой, что я рискую окосеть, просто надываешься ею.

— Люблю строптивых, — выдает козел и глумливо скалится. — Давай-ка, открывай ротик, у папочки для тебя есть леденец.

— Я те щас его отгрызу! — рычу, выкручиваясь из объятий.

Гандон совсем теряет берега, наваливаясь на меня. Его руки шарят по моей заднице, больно тиская. Губы шевелятся у моего уха, чувствую как его грудная клетка вибрирует, но я ни хрена не слышу, что он там говорит. Кровь долбит так, что голову ведет.

Пока мозг впадает в ахуенез, тело начинает действовать: резкодвигаю коленом вверх и впечатываю его в мужской пах. В ту же секунду мудака отпускает меня и с болезненной гримасой на роже складывается пополам.

Не сдержавшись, на адреналине даю ему смачного подсрачника, отправляя поближе к толчку.

— А-а-а! — Его рев настолько громкий, что улавливается даже моими оглохшими ушами.

Повернув ко мне лицо, мудила выплевывает:

— Ты че творишь, сучка?!

Сам первый начал, вонючий песий сын.

— Показываю, где твое место. Да чтоб у тебя член отсох!

— кричу напоследок и свинчиваю отсюда нахрен на пятой космической.

Руки я уже мою в женском туалете. И торчу там еще добрых двадцать минут, не рискуя попасться на глаза любителю давать всем за щеку.

Внутри все кипит от негодования. Надо было еще и нос ему сломать!

Бросаю взгляд в зеркало. Там отражается девица с разноцветным гнездом на голове — моя гулька на макушке давно растрепалась, — с глазами дикошарой кошки и свекольными щеками.

Рядом торчит расфуфыренная мадам. Бросая на меня презрительные взгляды, она вазюкает блеском по губам-пельменям. Закончив с бьюти процедурами и сморщив отпиленный нос-мухоловку, шлепает губищами. Она явно обращается ко мне, но у меня нет сил разбираться с ее пельменной артикуляцией.

И я тупо киваю:

— Ага.

Пальнув по мне взглядом на прощанье, мадам цокает на выход, а ее место занимает точно такая же мамзель. Их на одном заводе штампуют, что ли?

Прикрываю глаза, отгораживаясь от внешнего мира темнотой и тишиной.

Капец, сходила, Вер, за хлебушком...

#####

2. Вера. Сделай ему больно!

Вываливаюсь вместе с толпой девиц из тубзика.

Первые пару минут дергаюсь, ожидая, что вот сейчас из темноты как выпрыгнет Энтузиаст с микрочленом, как уволочет меня на разборки из-за разбитых яиц.

Но все тихо и спокойно (если так можно сказать о клубе), и я расслабляю булки.

Народ колбасится под очередной диджейский сет. Басы резонируют мне прямо в грудную клетку, ускоряя сердечный ритм. Лучи стробоскопов режут пространство на стоп-кадры, придавая моим движениям резкости и флеш-скоростей.

Пробираюсь мимо толпы к бару. Во рту после разборок сухо, как в пустыне.

Леха — знакомый бармен — кивает мне гривой и толкает в мою сторону большой стакан апельсинового сока.

Облокачиваюсь грудью на стойку, тяну прохладную сладость, покачиваясь в ритм.

Я могла бы сказать, что музыка оглушает, но в моем случае это оксюморон. Я не слышу большую часть звуков.

Девчонка рядом, в платье, напоминающем пояс, едва справляется с координацией, пьяно моргает, а потом машет Лехе рукой.

Встречаемся с ней взглядами, и та расслабленно мне улыбается, салютуя стопкой с горящим синим пламенем. Растя-

гиваю губы в ответ и чокаюсь с ней своим соком, ловя ее вайб.

Ауф.

Если не считать минусы, то здесь прикольно — громко, заряженно и нет нужды с кем-то общаться через рот.

Из минусов — толкотня меня бесит. Иногда я с завистью поглядываю на насесты танцорш гоу-гоу. Вот у кого есть пространство для маневра без риска получить локтем под ребра.

Второй минус — цены космос! За вот такой стакан сока я бы выложила два кэса, если бы Леха брал с меня бабки. Две тыщи рубасов, Карл! За сок, перелитый из пачки в стекло.

Но Эйфория не зря считается самым крутым клубом в городе — ценник оправдывает статус элитного заведения. Здесь, обычно, тусят всякие блогеры, сливки-ленивки и золотая молодежь, которую я называю «позолóтка».

Интересно, мистер Яйца Всмятку чье-то золотко?

Вспоминаю его взгляд «я все папе расскажу», и аж на сердце радостно.

Какой-то мачомен оттирает меня плечом от моей пьяненькой соседки. После непродолжительного общения, подхватывает ее под ручку и бодро уводит в неизвестном направлении.

Ну или известном... это как посмотреть. Знакомая хостес рассказывала, какие здесь в тайных комнатах творятся оргии.

Да, третий минус как раз-таки касается магии вне Хо-

гвартса.

Пафосный клуб просто кишит мачоменами. И они постоянно путают это место с рынком шкур.

Не осуждаю... Многие девушки, возможно, пришли сюда именно за этим.

Но сильно негодую! Сделайте уже отдельную проходку для «избранных», промаркируйте их, в конце концов! Выделите уголок, и пусть они там «охотятся» и не будоражат общественность.

Потому что, когда какой-нибудь резвый и оборзевший начинает тебя «снимать», это реально бесит.

Обычно, я сразу сообщаю дяде, что телка не ведется на его харизму, и посылаю на три буквы.

В тяжелых же случаях...

Да че тут рассказывать, вы уже все видели. Связка коленка-пах-ноги-в-руки работает безотказно.

Надеюсь, Энтузиасту моих предварительных ласк хватило с лихвой и он унес свое хозяйство в прекрасное далеко. Ну или куда после такого едут мажористые позолотки, размазывая сопли по лицу? Наверное, к мамке с папкой жаловаться...

В момент этих ленивых размышлений кто-то резко хватается меня за плечо и разворачивает к себе.

Какого банана?!

Вытаращив глаза смотрю... на того самого Энтузиаста с леденцом в штанах. На его ухмыляющейся роже идет ка-

кой-то мыслительный процесс.

— Попалась, зараза! — злорадно скалится. Белые зубы в свете неона выглядят крипово.

И только я открываю рот, чтобы послать дубину в пешее эротическое, как в ту же секунду горячие наглые губы запечатывают его.

Ах-ре-не-ть! Я даже пискнуть не успеваю. Тело в параличе, сознание — в шоке!

Ручищи Энтузиаста стискивают меня до боли, а хозяин этих конечностей таранит мой рот своим языком. Мерзкий слизень!

«Вера, сделай ему больно!» — ловлю мысль за хвост и резко смыкаю зубы. Во рту появляется металлический привкус.

Чувак тут же отлипает от меня. Его пальцы закрывают рот, и я не могу разобрать, что он говорит.

Да пофиг!

Хватаю свой стакан и выплескиваю сок прямо в противную рожу.

С тебя два косаря, говнюк!

Гребаный Энтузиаст жмурится, и я пользуюсь этой заминкой. Сжимаю кулак и от всей души впечатываю его в лицо мудака.

Тачдаун! Костяшки немеют, отдачей сводит плечо, но удар вышел — закачаешься! Там явно что-то хрустнуло!

Мудак хватается за нос, а я подныриваю под его руку и

сваливаю отсюда нахрен. В башке панически бьется: «Если догонит, мне кабздец!»

Добравшись до дома, еще полночи ворочаюсь на простынях, гоняя в башке мысли о дважды отмудоханном мажоре.

Блин, а если он и правда меня найдет? Прилупит в нашу коммуналку с папá и мамá за ручку и предъявит счет за кривую носопырку и помятые яйца? А меня нет сто тыщ миллионов! Ведь именно столько этот говнюк и запросит.

Засыпаю с трудом и подсакиваю как ошпаренная от вибрации будильника. Ба за стенкой задорно стучит клюкой по батарее. Переживает моя, что просплю и не возьму ей талон в поликлинику.

Ы-ы-ы. Шесть утра. Прибейте меня!

На работу еду разбитая и злая, пялясь в окно маршрутки на пасмурное небо.

В потоке машин замечаю красную спортивную тачку. Тюнинг, тонировка, литье — все дорохо-богато. Зверюга, наплевав на поворотники, рыскает из ряда в ряд, ревом распугивая сонных водятлов и городских голубей. Наверняка везет чью-то богатую жопу в ее светлую жизнь.

Уныло провожаю тачку взглядом и снова вспоминаю вчерашний конфликт в клубе.

«Ну, ОМОН с утра хату не разнес, уже хорошо!» — оптимизм из меня так и прет. — «Да и вообще, Зайцева, нечего трястись как заяц»!

Точняк! Этот мудака же явно из другого мира. Ставлю ха-

баровск (*купюра номиналом в пять тысяч рублей — прим.автора*), что он уже и забыл обо мне.

Как оказалось — нет.

#####

3. Тим. Похмелье, труп и батя

Ой, бля-я-я! Моя башка.

Череп раскалывается так, что, одно неловкое движение — и мозг вытечет через уши. В них уже стоит противный гул. Во рту сушняк, язык намертво прилип к нёбу и еле ворочается. В нос бьет тошнотворно кислый запах перегара.

Морщусь, и тут же едва не скулю от полноты ощущений.

Ебать, как все болит!

Похмельный ад комплектации «комфорт плюс».

Че там мир?

Я приоткрываю один глаз, и свет вонзается в мозг, разбивая мою черепушку к хуям. Звон, кажется, становится громче.

Не-не-не, я еще маленько полежу. Мир подождет.

Кряхтя, как дед, перекатом ухожу на другой бок и тут же натыкаюсь на чью-то конечность.

Холодная, блядь!

В ужасе распахиваю глаза.

Рядом лежит тело. Некстати в башку лезут все сводки новостей о трупаках, найденных после вечеринок.

Ебанный ты нахуй!

Приглядываюсь к телу бабы, лежащей рядом. В розовых трусах и с копной то ли русых, то ли каштановых — то ли еще какого-то там, блядь, цвета — волос, прикрывающих лицо.

Грудная клетка медленно поднимается и опускается.

Фу-у-ух.

Скручиваю паничку до минимума и снова морщусь от звона в ушах.

До мозга медленно доходит, что это гребанный звонок в дверь. Такой настойчивый, будто за ним толпа кредиторов с полыхающими жопами.

— Идите все нахуй! — хрипло рычу я, падая лицом в подушку.

Звонок не умолкает. Он с каждой секундой, сука, становится все громче.

Труп в розовых стрингах на сочной жопе что-то выло там мычит.

А-а-а, бля-я-я.

С трудом отдираю себя от постели и, пошатываясь, натягиваю брошенные на пол джинсы.

Прохожу мимо гостинной. Там — апокалипсис. Пустые бутылки, мусор, куча бокалов на всех поверхностях, чей-то розовый лифчик на торшере...

На часах нет и девяти утра.

Пиздец!

Только один человек способен поднять меня в такую рань. Добираюсь до двери, щелкаю замком и распахиваю ее.

На пороге стоит отец.

В дорогом костюме и с такой свежей рожей, что аж завидно стало. Будто не он бухает уже месяц после того, как мать

заявила о разводе.

— Какими судьбами? — Подпираю косяк плечом.

Из-за спины отца, прижимая к себе планшет, испуганно тарашит глазищи его помощница. Ей я дарю похабную улыбочку.

С каждым разом они у него все моложе и моложе. Может, мать не зря потребовала развод?

Трезвый и злой как черт батя молча отстраняет меня и заходит в квартиру. Медленно скользит взглядом по картине разрухи и останавливается на моем помятом лице.

— Это что? — В его презрении можно купаться.

— Упал. — Издевательски пожимаю плечами. — Полы скользкие.

— Где ты сегодня должен был быть? — тянет отец таким тоном, что я сразу выкупаю — мне пизда.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить.

— Тебя два часа назад ждала команда! — выплевывает он, раздувая от едва сдерживаемого гнева ноздри. — А твоё интервью вот уже как полчаса назад началось. Без тебя!

Его голос гремит в холле, подкармливая мое похмелье.

— Сорян, занят был. — Смотрю на него, стараясь изобразить на роже раскаяние.

Из спальни в этот момент бочком выползает заспанная Каштанка и достаивается особого отцовского внимания. Сверкая большими сиськами и задницей, она юркает обратно.

— Вижу, чем ты был занят! Ты хоть понимаешь, что людей подвел?!

Фыркаю. Ебать, сколько пафоса!

Будто сам не собирается наебать избирателей, изображая примерного семьянина, пока с матерью втихушку пият мою наследственную массу.

— Тоже мне, трагедия. — Широко зеваю. — Никто ж не умер. Соберешь заново свою шушеру. Нарисуют мне нимб, крылья прихреначат, текст в зубы дадут, и я снова буду петь, какой ты белый и пушистый.

Я шлепаю в кухню, по пути загребая ногами бутылки и прочий треш. Пью прямо из-под крана.

— Мы с тобой договаривались, что ты завязываешь со своими загулами! — не унимается папаша, стоя над душой.

Сую башку под струю холодной воды.

О, да!

Становится даже сносно. Настолько, что я молча выслушиваю тираду папеньки о моих подзаебавших общественность тусовках.

От лица заебавшейся общественности выступает мой папаня. Если вы еще с первого раза не вкурили, ага.

— Это уже переходит все границы, — шипит он, брезгливо указывая пальцем на срач вокруг. — Мне для полного счастья только не хватает заголовков об аморальном поведении сына!

— А что, котики уже не в топе? — Вскидываю брови и

переглядываюсь его раскрасневшейся помощницей. — Котиков любят больше проворовавшихся чиновников.

— Ты как с отцом разговариваешь?! — взвывается он, багровея от гнева. — Или тебе показалось мало той нервотрепки, что устроили нам из-за дочки полковника ГРУ и наркотики.

Блять!

— Она-то здесь при чем? — Забывшись, тру пальцем переносицу, и та тут же отзывается острой болью.

Со Снежиной вышло реально стремно, но вина тогда была на одном конкретном человеке. Точнее, на одной суке.

— А при том, — с шипением выплевывает батя. — Что мне едва в жопу по плечи не залезли за ту выходку!

Да, батя у Карины карал всех анальным фистингом нещадно и с размахом.

Прислоняюсь к столешнице и складываю руки на груди.

— Ну нахуя я тебе в этой гонке нужен? Тебе только и надо, что забыть о проблемном сыне, и тогда он не будет позорить славную фамилию Сафоновых. Я как образец морали — мимо.

Лицо отца искажается. Кажется, сейчас из ушей повалит черный дым.

— Ты хоть понимаешь, что твои выходки — это теперь и мои проблемы? Что каждый твой прокол — это повод для моих конкурентов копать под меня?

— Не поздновато ли спохватился, батя? — цинично цежу

я, пожимая плечами. — Воспитывать надо было меня лет в шесть.

Я жду взрыва, но батя задумчиво пялится на меня, потирая подбородок.

— Воспитывать, говоришь, поздно? — Оборачивается к помощнице. — Юль, что у нас на повестке?

— Садики, школы, детские площадки, расселение старого фонда, обманутые дольщики... — начинает она перечислять, но отец морщится.

— Не то, не то!

— Вы хотели поддержать детей с особенностями, — после паузы тихо подсказывает мышка Юля.

— Точно! — Отец щелкает пальцами. — Дай ему адрес! А ты...

Он снова прожигает меня своим фирменным взглядом «я тут босс».

— С сегодняшнего дня, сынок, ты идешь работать, — произносит торжественно. — На благо общества. Будешь всеми силами обелять свою засратую репутацию.

— А если я не хочу? — с вызовом встречаю его взгляд, улыбаясь как сумасшедший.

Надо же, придумал. Работать. Ниче, что у меня практика в универе? Похуй, что я на нее забил болт и просто куплю этот отчет.

Сам факт. Я и работать. Бред же!

— Сегодня. Тебя будут ждать по указанному адресу, —

цедит слова отец. — И не дай бог, тебя там не окажется.

— Поставишь меня в угол? — хмыкаю.

— Оставлю тебя без бабла и тачки, — роняет веско. — И это только цветочки, сынок.

Поправив пиджак и пригладив волосы, батя отчаливает вместе со своей серой мышью.

— Как вы там говорите? — доносится его голос из коридора. — Вся кринжатина твоей жалкой жизни окажется лучше моих ягодиц. Понял?

Громко хлопнув дверью, папаша ставит точку в нашем диалоге.

Задумчиво выстукиваю пальцами ритм, пялясь как дебил в окно.

Ну он же не всерьез? Или рил?

Зная моего дорогого папашу — угроза остаться без бабла очень даже реальна.

Ой, бля-я-я.

#####

Герои истории

Познакомимся с героями моей новой истории поближе♥#

Вера Зайцева, 20 лет

Волонтер в центре для детей с особенностями слуха «Громкая тишина», живет в коммуналке с бабушкой.

Вера не слышит, но не делает из этого трагедии.

Если музыка, то та, где много сочных басов ##

Если напиток, то апельсиновый сок ##

Если чувства, то искренние ♥#

Если мечта, то только та, что дарит крылья за спиной

Как думаете, какая мечта у Веры?

Тимофей Сафонов, 21 год

Мажор, бабник и вечный тусовщик. Привык сорить деньгами и ни о чем не думать. Самая большая сложность Тима — выбрать блондинка или брюнетка.

Если музыка, то только самый горячий диджейский сет ##

Если напиток, то не жалейте градусов! ##

Если чувства, то оставьте их за порогом ##

Если мечта, то отдайте ее бедным, у меня есть все, о чем можно мечтать.☆☆

Как думаете, можно такого перевоспитать?

4. Тим. Наставник

От прикосновения ледяных ладоней к спине едва не вздрагиваю.

Бля, забыл уже о Каштанке в спальне.

— Это твой папа был? — сладким голосом тянет она, наглаживая мои плечи.

— Нет, он так прикалывается, — хмыкаю и разворачиваюсь к ней.

Кисуля хохочет. Большие сиськи призывно трясутся.

— Пошалим?

Она тянется ко мне с поцелуем, но я снимаю ее руки со своих плеч и с сожалением уворачиваюсь от спелых дыnek.

— В другой раз, малыш, — говорю, прокручивая на репите слова отца.

— Эй, Сафонов, я вообще-то ради тебя парня бросила! — возмущается Каштанка, имя которой выветрилось из моей башки раньше алкоголя.

Шлепаю ее по аппетитной заднице в розовых трусах.

Член вяло трепыхается в джинсах, но, положив руку на сердце, меня сейчас больше возбуждают нарисованные батей перспективы, чем заодно потрахаться.

— Это ты, конечно, погорячилась. Собирайся, может, он тебя еще простит.

— Да ты гонишь?!

— И руки у тебя, кстати, ледяные. Как у трупа. Сделай с этим что-нибудь.

— Да ты... — От злости у нее на лице появляются красные пятна.

— Дверь можешь просто прикрыть, — бросаю ей и шлепаю в душ.

— Какая же ты мразь! — орет мне вслед.

— Ага. — Теряю к ней всякий интерес. — Дверь. Не забудь.

В душевой врубаю тропический дождь и делаю воду погорячее. Подставляю гудящую башку под ласковые струи.

Чистый кайф.

Еще бы сраный ультиматум бати его не обламывал.

Сказал, что ждут? Ну ничего, я никуда не тороплюсь.

Паркуюсь рядом с табличкой «не загораживать выезд» и вываливаюсь из прохладного салона в жаркое вечернее марево.

Адрес привел меня к трехэтажному зданию с вывеской «Громкая тишина».

Хмыкаю. Какой дебил придумал такое название?

Ладно, похуй. Я тут ненадолго.

Вхожу внутрь и, не церемонясь, заваливаюсь в кабинет к директорше.

— Здравьте! — Распахиваю дверь без стука. — Сафонов.

Тетка отрывается от монитора и строго смотрит на меня

поверх очков.

— Сафонов? — брезгливо переспрашивает она.

— Во плоти, — киваю я, чувствуя, как ноет переносица.

Рожу после вчерашнего у меня, конечно, покоцанная.

— Вы опоздали, — роняет она с таким вздохом, будто я ее порядком подзаебал уже.

— У меня были дела. — Лениво пожимаю плечами и делаю пару шагов по кабинету.

Обычный такой. С дешевыми пластиковыми панелями, линолеумом и кучей аляповатых рисунков на стене.

Срань полная, короче.

Тетка в ответ на мою реплику смотрит так, будто ей — карге старой — доподлинно известно, что я после того, как привел себя в порядок и пожрал, проебланил полдня, играя в пloyку.

— Ваш отец обо всем договорился, — говорит она без особого энтузиазма. — Вы поступаете к нам в качестве разнорабочего. Испытательный срок — месяц или пока я не решу, что с вас достаточно.

Ну, то есть, батя нихуя не пошутил?

Окей.

— Слушайте... — Быстро стреляю глазами на табличку на столе. — Валерия Дмитриевна, вы же все прекрасно понимаете?

Тетка согласно кивает.

— Зачем нам друг другу осложнять жизнь? — вкрадчиво

уточняя у нее. — Скажите сколько, я выпишу чек, и мы с вами разойдемся, довольные друг другом.

— Скажите, Тимофей, вы считаете меня настолько недалекой? — зачем-то спрашивает она, буравя во мне дырку своим змеиным взглядом.

— То есть нет?

— Ни в коем случае, — качает она головой.

Перевожу на нормальный язык.

Батя уже забашлял этой гримзе столько, что даже если я тут буду перед ее носом трясти волыной, она все равно не даст заднюю.

Вот же срань!

— Прекрасно, — говорю я, мечтая как минимум разьебать тут все. — А что я буду делать? Громко молчать, тихо петь? Или, может, беззвучно орать? Вы не стесняйтесь, говорите сразу. Я обучаем.

— У вас будет наставник, — игнорирует она мой сарказм, что-то печатая в телефоне.

Пару минут я лениво разглядываю потолок, чувствуя, как копится счет к старику с его ебучими идеями и идеологиями.

Ну ничего, Валерия Дмитриевна, вы сами напросились. Потом не войте.

Открывается дверь. Оборачиваюсь на звук, и у меня едет вниз челюсть.

Отвисает нахуй, падает на пол и бьется там о паркет. Буквально!

В дверях стоит она. Та самая зараза, что вчера устроила из моих яиц омлет, а из моего носа — мясной фарш.

В ахуе сканирую пигалицу снизу вверх, отмечая наличие ровных ног, которые обтягивают драные джинсы. Сиськи я еще вчера заценил, но сегодня на ней черная футболка со скелетом.

На башке огромные белые наушники.

Разноцветные волосы собраны в небрежный пучок, а в огромных, колючих глазах читается точно такое же ледяное презрение, как и вчера.

Внутри закипает злость и еще какая-то хрень.

Девчонка смотрит на меня, и ее губы растягиваются в едва заметной, но самой ядовитой ухмылке на свете.

Зараза!

Директорша за моей спиной произносит:

— Вера, знакомься! Это Тимофей Сафонов. Твой новый подопечный.

Я недоверчиво бросаю взгляд на тетку.

Серьезно, блядь?

— Тимофей, это Вера Зайцева. Ваша наставница.

Охуеть. Она не шутит!

##\$###

5. Вера. Бабуин

Спина после смены в рестике отваливается. Сегодня по случаю банкета посуды на мойке было в четыре раза больше.

Убиться просто!

Устало пялюсь в одну точку, пока автобус ползет в пробке. Сил нет ни на что, но я обещала МамЛере заехать и помочь с гуманитаркой.

Вообще-то, она Валерия Дмитриевна, но мы давно с детьми окрестили ее Мамой Лерой. У нее огромное доброе сердце и желание помочь каждому. За всю свою жизнь я не встречала еще одной такой же самоотверженной женщины. Ну разве что моя бабуля.

Не, МамЛера реально святая!

Благодаря ей центр процветает, а благотворительный фонд при нем обрастает меценатами с баблом в карманах.

И это все ради детей!

От остановки шлепаю в сторону входа. Тучи, к вечеру плотно затянувшие небо, наконец решили разродиться дождем.

Теплые капли падают мне на макушку, стекают за шиворот, и я ловлю себя на том, что забыла... Забыла, как шумит дождь.

Острое чувство тоски проворачивает ножичек в сердце. Запрокидываю голову, подставляя лицо утешительным по-

целуям.

Эй, я не жалуюсь! Это секундная слабость.

Есть вещи пострашнее того, что произошло со мной. Например, смерть. Она вообще необратима.

К тоске примешивается чувство горькой утраты.

Черт! Ладно. Скажу один раз и больше не хочу развивать эту тему.

Мои родители погибли в автокатастрофе, и я в один день осталась сиротой. Я провела в приюте незабываемые полтора года, пока моя бабушка билась с бюрократической машиной, пытаясь оформить опеку надо мной. Она победила, и теперь мы вместе. Все, конец.

А-а-а, про глухоту забыла! Нет, я родилась абсолютно нормальной. В приюте часто простывала, и один раз так, что оказалась в больнице. Бабушка говорила, что та директриса-крыса пыталась поначалу скрыть серьезность болезни. Упустили время, пошли осложнения, и больше всех пострадал слух.

Вряд ли вам интересны подробности моего лечения — у меня папка толщиной с полено! Но, говоря простым языком, моим несчастным слуховым нервам пиздец. И с каждым годом размер пиздеца все больше.

Эй-эй-эй! Я же просила не жалеть!

У меня есть еще шанс вернуть себе хотя бы часть звуков. Но это дорого. Нет, не так. Это **ОЧЕНЬ** дорого.

Я жду свою очередь по квоте уже второй год и не теряю

надежды.

А пока... пока я помогаю тем, кто еще не может помочь себе сам.

У ворот центра застываю, с удивлением разглядывая инородное тело.

Именно так и смотрится в нашем тупичке низкий спортивный зверь кричаще-красного цвета. И как любое инородное тело вызывает воспаление зависти и целый хоровод мыслей, самые приличные из которых: «Живут же сволочи!» и «Что за мудака тут бросил свое корыто?!»

МамЛера бы меня за такие слова укорила взглядом, но это она святая, а я вот ни разу.

Будь моя воля, угнала бы это роскошное чудовище, загнала за бешеные бабки и потратила их... Черт, ладно, это утопия.

А вот реальность этому водятлу очень не понравится. Пишу знакомым парням в чатик стопхама и скидываю фотку с координатами.

Довольная двигаю ко входу. Прохожу турникет и киваю охраннику. В это время занятия уже закончены, и коридоры Тишины пусты.

МамЛера беспокоится и шлет смс. Отбиваю, что уже на месте.

Захожу в ее кабинет, и улыбка прилипает к губам.

Напротив директорского стола стоит тот самый бабуин, которого я вчера от души угостила в клубе.

Его рожа, украшенная по такому торжественному случаю двумя фонарями, удивленно вытягивается.

Черт, отвлеклась! Ловлю в фокус лицо МамЛеры.

— Вера, знакомься, это Тимофей Сафонов, твой подопечный, — произносит она, четко артикулируя губами.

Сириусли?! Это шутка такая?

Я перевожу охреневший взгляд на бабуина. Тот пялится на МамЛеру с точно таким же ахуем в глазах.

Я?! Наставницей этой говняшке на палочке?!

Да у меня щас жопа запыляется так, что зарево можно из космоса увидеть!

— Покажи ему пока центр, Вер, — МамЛера забивает гвозди в мою крышку гроба. — И расскажи об обязанностях волонтера.

Капец. Она не шутит!

#####

6. Тим. Ведьма

— Столовая, кухня, служебные помещения, — колючка Вера тихо бубнит себе под нос, поочередно тыкая пальцем на двери. — Туалеты. В общем-то, все.

— А на этажах выше? — киваю на лестницу.

— Тебе там делать нечего.

Честно говоря, мне глубоко па-ху-ю, что у них тут и как.

Но пока Вера, которой больше подошло бы имя Стерва, водит меня по первому этажу, я без палева пялюсь на ее задницу.

Откормить бы малеха. А так ничего. Зачетные булки.

Будто почувствовав мой взгляд, Стерва-Вера разворачивается ко мне.

Складывает худые ручонки на груди, и я тут же очерчиваю приятные глазу округлости.

Этих девочек я бы тоже потискал... если бы не кислое, противозачаточное выражение на мордашке их хозяйки.

— Если ты еще хоть раз протянешь ко мне свои клешни, — неожиданно громко сообщает мне, буравя своими глазами непонятного цвета. — Я оторву их тебе и засуну в жопу. Усёк?

Хмыкаю в ответ на этот жаргон:

— Ручки только не сломай.

У нас разница в габаритах почти вдвое. Мне кажется, я

ее талию обхвачу одной ладонью. А учитывая ее общий, худосочный вид — с легкостью сложу в компактный остро-режущий комок.

Стерва крутит перед лицом кулачком, на пухлых губах снова эта ядовитая улыбочка.

— Не переживай, на тебя силенок хватит.

— И не думал. — Жму плечами. — Да и ты не в моем вкусе.

— На-а-адо же! А какого хера ты ко мне полез?

— Сам до сих пор в ахуе. — Пожимаю плечами.

Стерва морщится и делает какой-то быстрый жест рукой.

— Что за вуду? — Двигаю пальцами в воздухе.

В ответ получаю такой надменный взгляд — мать бы обзавидовалась

— Зрение подводит? — язвит она, цокая языком. — Проклятие на недельный запор наслала.

— Смело. Чем еще удивишь?

Вчера под убойной дозой алкоголя она мне показалась весьма экзотичной. Но сегодня эта фурия в дешевых шмотках и с радиоактивным фоном на башке уже не кажется мне привлекательной.

Ни манер, ни фактуры, ни того лоска, к которому я привык. Совсем не ровня.

Стерва-Вера охотно отвечает:

— Говорят, что очистительные клизмы из скипидара очень помогают. Обязательно попробуй!

— Остро! — Хлопаю в ладоши. — Очень остро! Надеюсь, твой язычок такой умелый не только со словами?

— Надейся, — хмуро бросает мне, не сводя с меня злобного взгляда.

Впервые сталкиваюсь с такой неприкрытой агрессией.

Склоняюсь к заразе ниже. Невольно вдыхаю ее запах. Вопреки моим представлениям о ней Ведьма пахнет тонко и неуловимо. Никаких резких нот или удушливо-тяжелого люкса. Только чистая кожа, ваниль и дождь.

Она пахнет так невинно, что у меня неминуемо лезут в башку пошлости, а болт в штанах, как истинный джентльмен, встает при виде дамы.

Блять! Че за изврат?!

— Признайся, злюка, — произношу хриплым голосом. — Тебя в прошлом поймел какой-то недоумок, и теперь ты лелеешь свои обидки, изображая из себя бабу с яйцами, и ненавидишь весь мужской род авансом?

Незаметно втягиваю ее запах глубже. Разбираю на тона и молекулы, пытаюсь понять — это духи, или ее собственный аромат?

Черт бы тебя побрал, Ведьма!

Ты дешевка и безвкусица, но я уже представил, как ты закидываешь свои длинные ножки мне на плечи, а я толкаюсь так глубоко, что ты...

— Только таких, как ты, — бросает она мне.

— Да-а-а? — Отстраняюсь и оглядываю ее с ног до головы

с разноцветной копной волос. — Выходит, я твой личный триггер!

— Не бери на себя слишком много, а то грыжа будет, — незамедлительно получаю подачу.

— Просто признайся, что запала на меня, — не удерживаюсь от подъеба.

— На тебя?! Я?! — Стерва распахивает широко свои раскосые глаза, а следом откидывает голову и заливисто смеется.

— Чтоб ты знал, — произносит, посмеиваясь. — Меня не возбуждают богатенькие избалованные ублюдки, которые привыкли, что им вылизывают очко, а сами — то еще дерьмо! И, кстати, я терпеть не могу блондинов!

С улыбкой ехидны стерва разворачивается и двигает вперед.

Рывком распахивает очередную дверь. Каморка метр на метр. От запаха хлора и каких-то ссанных тряпок режет глаза.

— Это чо за камера пыток?

— Личные апарта, твое Величество! Ведра, швабры, тряпки, дезинфекторы тут... — деловито перечисляет Ведьма. — Воду набираешь в туалете, там кран отдельный есть.

Я в ахуе смотрю на это великолепие, пока она перечисляет мои новые обязанности:

— Собственно все. Приступаешь с завтрашнего дня. Вопросы?

Куда, блядь, поорать?!

— Ты гонишь? — Смотрю на Стерву во все глаза.

Я в жизни ничего не мыл.

— Я похожа на клоуна? — Она копирует мою позу — складывает руки на груди, задирает темную бровь.

Нет, блядь, это из меня хотят сделать клоуна!

— Ну на хуй, я сваливаю, — произношу одними губами, но Ведьма каким-то образом слышит.

— Окей, я тогда передам Валерии Дмитриевне твой отказ. Надеюсь, папочка тебя не сильно будет ругать?

По лицу вижу — издевается.

Вздыхаю и мысленно уговариваю себя не пылить.

— Окей. — Поднимаю вверх ладони. Будем договариваться. — Давай так. Я тебе бабки, а ты за меня моешь полы. Все довольны, все счастливы. И никто никому не делает нервы.

Стерва-Вера сканирует меня взглядом.

— Давай, — кивает головой.

И только я расслабленно выдыхаю, как она добавляет:

— Заодно сообщим ему, какое ты ленивое ничтожество!

Вы щас охуете, но слова этой нищенки задевают какую-то сраную струну во мне.

— Не пожалей потом, крыска! — выдаю ей в лицо. — А то как бы не оказаться на мусорке.

Двигаю на выход.

— Эй, мажор! — кричит она мне в спину. — Кстати, о мусоре! Я забыла сказать. Здесь парковка запрещена. Знак даже повесили. Но, говорят, дебилы его не видят!

Спустя пять минут я в шоке разглядываю свой мэрс. На капоте и крыше гора мусорных пакетов с каким-то жидким содержимым. Лобаш намертво заляпан наклейками «стоп-хам», а дверная ручка вымазана чем-то по запаху напоминающим дерьмо.

Я стою и пялюсь на все это, а в башке только одна мысль вертится: «Жди меня, Ведьма. Завтра я придушу тебя. Собственноручно».

##↘###

7. Тим. Так даже интереснее

— Чувствую себя пенсом, — с ворчанием отодвигаю от себя доску для игры в скрэббл. — Вы еще б в лото предложили сыграть.

— Саш, у тебя же где-то шашки есть, — невинным голоском произносит Снежина, и так хитро при этом на меня смотрит, что в подъёбе можно не сомневаться.

Закатываю глаза.

— Харош ныть. — Лекс, с самого начала отказавшийся играть в «эту еблю с буквами», со смешком пихает меня в плечо и сваливает курить на балкон.

К Бессоновым я нагрязнул сразу после того, как, хорошенько выматерившись, отогнал изгвазданную в дерьме тачку на мойку.

Ну а че? Дома торчать в ебучей тишине? Правда и тут тусовкой не пахнет.

Не-е-е, теперь это образцово-показательное семейное гнездышко. И вроде визуально хата осталась прежней, но сама атмосфера...

Бля, будто купидоны кругом наблевали розовым сиропом, и я обеими ногами в эту жижу угодил.

Лекс явно был не в себе, когда позвал эту кудрявую занозу замуж. Но мне даже где-то завидно.

— Столица, как ты его терпишь?

— В твоём случае, Фей, молча, — Кара сама любезность.

Только взглядом послала меня на хуй раз пять.

— Еще скажи, что я вам тут трахаться мешаю.

Кара морщит нос и манерно закатывает глаза:

— У тебя от пошлости ничего еще не слиплось?

— Неа. — Пальцем сдвигаю фишки, выкладывая нужное слово. — Секс, кстати, раскрывает чакры. Попробуй.

Снежина поджигает губы, глядя на «жопу» по вертикали, и мстительно выдает:

— То-то я думаю, откуда сквозняк! А это у тебя из чакр поддувает...

Язва.

Посмеиваясь, вываливаюсь на балкон к Лексу.

— Нафига тебе эта мегера?

Затянувшись, друг философски изрекает:

— Вырастешь, поймешь.

— Цитатки из клуба каблуков подъехали? — ржу.

В шутку обмениваемся с бро подзатыльниками и тычками.

— Как родаки?

Кривлюсь, будто лимон сожрал.

— Да как... Как скорпионы в банке. Жалят друг друга, припоминая весь трешак в прошлом. Мать улетела в Милан. Батя бухает. — Устало тру лицо ладонью. — Заебали в дым.

— Сочувствую.

— Ага.

Хмыкаю, переводя взгляд на ночной город.

— Знаешь, что самое стремное? Вот эти фальшивые улыбки для очередного всратого фотосета. Типа кандидат в мэры Сафонов топит за семейные ценности, — делаю пальцами кавычки. — Рил, рожи как у манекенов. Кто-то вообще на это ведется?

Лекс дергает плечом:

— Ну, рейтинги у него неплохие.

— Ага, там целый штаб днем и ночью вылизывает его репутацию до блеска.

Иррациональная обида на отца снова точит изнутри, и я, блять, опять ощущаю себя сопливым пацаном, который подслушивает ссору самых дорогих людей на свете.

Мерзкое чувство никак не рассасывается.

— Прикинь, какую он тут хохму придумал...

Я рассказываю Лексу про кринж с батиным ультиматумом, моей поездкой в центр и встречей с Ведьмой.

— Ты бы видел эту стерву! Отброска, а гонору хватит, чтобы мою бабу-графиню проняло.

Да-да, как бы это ни было ржачно, а бабулька у меня рил имеет дворянский титул. Каждое лето я проводил в ее поместье, и эта старая карга пила мою кровь и вдалбливала в башку ебанный этикет.

Сами понимаете, с каким удовольствием я на него теперь кладу огромный болт. Особенно, когда Анастасия Романовна прибывает с визитом на очередной семейный ужин, кото-

рый по традиции заканчивается скандалом.

Bellissimo!

— Говоришь, ее зовут Вера Зайцева? — Лекс задумчиво прокручивает в руке зажигалку.

— Угу.

При воспоминании о ее вызывающей мордашке в кровь будто впрыскивается закись озота.

— И волосы у нее... — Лекс делает неопределенный жест рукой.

— Будто радуга взбесилась и надристалась на нее, — под-сказываю.

— Забавное совпадение. Они работают вместе с Карой.

— Гонишь? — Мои брови взлетают вверх.

— Неа. — Друг качает головой. — Она группу сопровож-дает в Кристалл на трени. А, кстати, знаешь, что она...

— Что она бешеная сучка и ей бы не помешала прививка от бешенства? — со смешком перебиваю. — Еще в клубе выкупил. Вот это... — обвожу пальцем бланши, — ее ручек дело.

Лекс подвисает на секунду, а потом начинает дико ржать.

— Говорю же, бешеная. И еще эта ее дурацкая привычка пялиться, не моргая. Хотя, может, эта маньячка претя от Ганнибала Лектора...

— Не думаю. Но меня забавляет, что тебя она так заце-пила.

— Да, камон! — Закатываю глаза. — Просто бесят такие

заносчивые телки.

— Ну-ну, — все еще посмеивается надо мной Лекс.

Идея приходит мгновенно.

— Терминаторша. Поставить бы ее на место. Твоя случаем не сливала ее грязные секретики?

Но Лекс в ответ смотрит странным взглядом, и с улыбкой гребанной Джоконды выдает:

— Знаю один... но не скажу.

— Эй! — толкаю говнюка в плечо.

— Так даже интереснее...

И только я собираюсь начистить его самодовольную рожу, как на балкон влетает Снежина.

— Время видел? — размахивает перед носом Лекса телефоном.

— Фа-а-ак!

Перевожу взгляд с одного на другую. Не выкупаю.

— У вас какие-то ролевые игры в одиннадцать?

Лекс морщится:

— Если бы...

Снежина нетерпеливо отбивает ритм пяткой.

— Папа назначил мне комендантский час. В одиннадцать я должна быть дома, а вы тут уже пятнадцать минут лясы точите!

В ахуе смотрю на нее:

— То есть я еще и виноват?

— Ладно, погнали, — бросает Лекс. — А то мне яйца от-

стрелят.

На парковке прощаемся.

— Удачи с Ведьмой. — Лекс хлопает меня по плечу. —
Она тебе точно понадобится.

— О чем это вы? — непонимающе смотрит на него Сне-
жина.

— Да так. Сафа решил поиграть в экзорциста.

Да уж, завтра я вытрясу из этой Ведьмы всех ее бесов!

#####

8. Тим. Вендетта

Утром, глядя в лицо неприлично бодрой Ведьмы, я уже не так в этом уверен.

Мое собственное состояние застряло между отметками «хуево» и «пиздец, как хуево».

— Фу, от тебя смердит. — Ведьма показательно морщится и машет перед лицом ладонью. — Ты, что, упал в бочку с бормотухой?

Какие мы нежные.

— К слову, это был отличный шотландский виски. — Хрипло выдыхаю в ее сторону. — Но откуда бы тебе такое знать, правда, м?

— Будь добр, не дыши в мою сторону... — шипит, распахивая дверь моего «кабинета».

Ведьма снова делает это. Смотрит на меня, не отводя взгляда. И я впервые замечаю, какого цвета ее глаза. Зеленые как у дикой кошки.

— ...а лучше вообще не дыши, — мстительно заканчивает и вручает мне в руки швабру. — Твоя подружка на сегодня. Будь с ней нежен... хотя, о чем я?

И эта гадкая ведьма, закатив свои бесстыжие зенки, сваливает и оставляет меня наедине с обязанностями поломойки.

Блять!

Матерясь себе под нос, пытаюсь совладать с тряпкой. Вода заливает мои брендовые кроссы, в носках уже противно хлопает.

На полу остаются лужи, и мне с психу хочется на хуй устроить пенальти с ведром в окно. Скриплю зубами, костеря на все лады папашу с его охуенными идеями.

Этот ебанный коридор рил такой длинный!

Позади хлопает дверь, мелкая девчонка с перемазанными краской руками торопливо топает в сторону туалета.

— Не беги, тут сыро, — буркаю ей, но меня явно игнорят. Конечно, я же невидимка.

Через секунду девчонка с писком летит вперед и смачно шлепает ладошками по полу.

— Эй! Я же говорил...

Рот девчонки кривится, и коридор заполняет вой.

Ой, бля-я-я!

Бросив швабру, шагаю к ней, но меня в плечо уже толкает материализовавшаяся из воздуха Ведьма.

— Дай посмотрю! — Она аккуратно помогает встать девчонке. Черт, у той, кажется, рот в крови. Лицом, что ли, шмякнулась?

Ерошу волосы на затылке, чувствуя себя стремно.

— Ведьма, я ей говорил... — взрывается у меня.

— Ты дебил?! — рывкает она, повернув ко мне лицо. — Она не слышит!

У меня вытягивается лицо.

— В смысле?..

Но Зайцева больше не обращает на меня внимания, она что-то быстро-быстро делает пальцами, при этом беззвучно двигая губами. Мелкая, захлебываясь рыданиями, тоже делает какие-то пассы.

Поддерживая девчонку под руку, Ведьма уводит ее дальше по коридору.

Стираю разводы крови и краски с кафеля.

Пиздец какой-то.

— Ты хоть когда-нибудь мозгом пользуешься? — налетает на меня разъяренная Ведьма.

— Да че не так-то? — пылю. — Я не виноват, что она глухая! Смотреть по сторонам нужно.

— Ах, смотреть! — Голос стервы звучит слишком сиропно.

Еще немного и она вцепится мне в горло бульдожьей хваткой.

— Запомни, Сафонов, здесь твое мнение ебет только швабру. — Брезгливо тычет в меня пальцем. — Я тебе лично дважды повторила про таблички, но раз ты умом скорбный, то стоит это тебе написать на лбу!..

— У тебя недотрах, что ли? — рывкаю, взбешенный этой выволочкой. — Злая как змеища.

— Только такой имбецил, как ты, будет мерить всех по себе, — выплевывает с отвращением.

Опираюсь на швабру и хмыкаю:

— Ну точно. Не вставляет никто по самые яйца, вот и бе-
сишься...

— Знаешь, что, Тимофей... — Ведьма неожиданно обра-
щается ко мне по имени.

Я даже подвисяю.

— Иди ты на хуй! — припечатывает.

В глазах адово пламя. Ноздри хищно раздуваются. Губы
поджаты.

— И если ты еще хоть раз допустишь подобное, я тебе
лично яйца оторву и засуну тебе их так глубоко, что неделю
искать будешь!

Шагаю к ней вплотную, нависаю, давя массой.

— Рискни, Ведьма, и посмотрим, как глубоко в тебе будут
мои яйца...

Здрав подбородок, она упрямо пялится в ответ.

И, черт, я не знаю, как это работает, но я первым отвожу
взгляд... и упускаю момент, когда мне прилетает по лицу.

Хлестнув меня волосами, эта стерва сваливает в закат. Я
пялюсь на ее худощавую фигуру, до хруста сжимая руку в
кулак.

Радуйся, Ведьма, пока можешь. Твоя вендетта близ-
ко. Хлестнув меня волосами, эта стерва сваливает в закат. Я
пялюсь на ее худощавую фигуру, до хруста сжимая руку в
кулак.

Радуйся, Ведьма, пока можешь. Твоя вендетта близко.

##>###

9. Тим. Секрет ведьмы

— Что будете заказывать? — услужливая официантка едва ли не выпрыгивает из тусов, заглядывая мне в глаза.

Ограничиваюсь шашлыком и раздраженно захлопываю меню. Жрать хочется, пиздец как, но обстановка этого убогого места вообще не располагает долго рассиживаться. Чисто — закинул хавчик и ливнул, моясь, чтобы живот не скрутило по дороге.

Мои спутники закидывают девчонку своими хотелками. Молча наблюдаю за этим буйством жадности, потягивая минералку из высокого стакана.

— У тебя новый парфюм? — с придыханием произносит рыжая то ли Катя, то ли Даша — я не запомнил, да и нахуй надо! — и придвигается ближе.

Морщусь.

— Типа того.

— Необычный. — Ладонь рыжей ползет по моему бедру в сторону ширинки. — Как и весь ты...

Ага, блять. Мой новый парфюм — вьевшаяся под кожу хлорка и запах ссанных тряпок. В душе, думал, кожу с себя сдеру.

Поймав нахальные пальчики, настырно натирающие мой агрегат, скидываю ручонку Кати-Даши и отворачиваюсь к окну.

К моменту, когда я приканчиваю свой шашлык, стол ломится от разнообразия блюд.

Парни накачиваются алкоголем, девки возбужденно пишат и не отстают от них. Общий градус за столом неуклонно растет.

Мизансцена готова. Пора переходить к основному действию.

Хлопаю громко в ладоши.

— Время развлечься!

Народ радостно вопит. Кто-то задевает край стола, и посуда с грохотом летит вниз.

Осколки разлетаются по всему полу. То, что нужно.

— И долго ты собираешься на это смотреть? — Щелкаю пальцами официантке. — Зови уборщицу, пусть тут все вылизет до блеска.

От предвкушения по венам растекается азарт. Ведь я точно знаю, кто сейчас зайдет в випку.

Ведьма появляется спустя пару минут в компании швабры и ведра.

С приклеенной улыбкой она бормочет извинения, но при виде меня тут же затыкается.

Ух, какой взгляд! Если бы таким можно было убивать, Зайцева бы уже давно мотала срок.

Ухмыляюсь, разваливаясь на диване поудобнее и кивком отдаю команду: «Фас»!

— Фу, что за убожество на башке?

— Ее изнасиловал колорист?

— Чуете, завоняло дерьмом!

Телки катком проходятся по внешке Ведьмы.

— Надеюсь, это не заразно, — брезгливо произносит Катя-Даша, и все взрываются хохотом.

На секунду взгляд Ведьмы впивается в меня, а потом гаснет. Она молча приступает к уборке, игнорируя гогот.

Парни наперебой сыпят сальными шуточками. Девицы смотрят на нее свысока, с таким презрением, будто она не человек, а грязь, прилипшая к подошве.

На секунду чувствую раздражение.

Эй, Ведьма, чего же ты не огрызаешься? Где твой острый язычок? Неужто затолкала между своих тощих булок?

Катя-Даша пьяно взмахивает рукой:

— Эй, ты! — визгливо обращается к притихшей Ведьме.
— Иди сюда и убери тут как следует.

Зайцева опускается на корточки и начинает собирать крупные осколки.

— Господи! — морщится рыжая и манерно зажимает двумя пальцами нос. — Я будто в хлеву оказалась! Давай уже быстрее, а то меня щас стошнит.

Снова ржач.

— Ты оглохла, что ли? — визгливо истерит Катя-Даша.

Зайцева ушла в полный игнор.

И тогда рыжая, с глумливой улыбкой, наступает каблуком на пальцы Ведьмы.

— Ой! — притворно ахает Катя-Даша, не сдерживая зло-
радную усмешку. — Кажется, я наступила на какое-то дерь-
мо.

За столом все затихают.

Я вижу, как плечи Зайцевой напрягаются. Медленно, очень медленно она поднимает голову и смотрит на рыжую. И ее взгляд не обещает ничего хорошего.

— Че ты пялишься, лохудра! — кривится Катя-Даша и кивком головы указывает вниз: — Быстро вылизала мои туфли языком. Ну!..

— Одну секунду, — тихо произносит Ведьма и плавно поднимается на ноги.

Берет со стола полупустой кувшин с лимонадом, где плавают дольки апельсина и веточки мяты.

— Я долго буду... — начинает рыжая.

Но Ведьма не дает ей договорить. Она выливает все содержимое кувшина на башку Кати-Даши.

На мгновение воцаряется абсолютная тишина.

Наблюдаю, как жидкость ручьями стекает по рыжим волосам, по лицу, пачкая светлую ткань топа. Апельсиновая долька смачно шлепается с макушки рыжей ей на колени.

А потом в мои уши ваинчивается пронзительный визг.

— А-а-а-а! Ты!.. — Катя-Даша смахивает с лица ветку розмарина, ее пальцы дрожат от ярости. — Тварь! Ты че на-творила?!

— Остудила котелок, который у тебя вместо башки, —

резко парирует Ведьма.

На лице упрямство и ни капли раскаяния.

Поднимается гомон, все кричат. Пацаны закатываются от дикого ржача. Телеки наперебой пытаются реанимировать ЧСВ рыжей Кати-Даши.

В дверях появляется перепуганный администратор. Он мечется рядом со столом, мямлит что-то о компенсации и ужине за счет заведения, бросая полные негодования взгляды на Ведьму.

— Тебе не жить! — Тычет в нее пальцем рыжая. — Ты хоть знаешь, кто мой отец, дрянь?!

Вера смотрит на нее так, будто каждый день участвует в таких стычках.

— Дай угадаю, — ее голос тих, но режет стеклом. — Такая же мразь, как и ты?

— Сука! Ты уволена! У-во-ле-на! — орет Катя-Даша, брызгая слюной. — Можешь выметаться отсюда!

Администратор едва не кланяется ей в пояс, обещая во всем разобраться.

— Что тут разбираться? — настаивает рыжая. — Эта дрянь меня оскорбила! Или вы считаете это норм?!

Ведьма упрямо поджимает губы.

Я прям вижу, как мечется администратор между двумя стульями с пиками и болтами. И принимает решение:

— Вера, немедленно извинись перед нашей гостьей...

— Нет, — рубит Ведьма.

Но администратор продолжает гнуть линию клиентского жополизинга:

— Извинись. Живо! Или я прибавлю тебе еще один штраф.

Я жду, затаив дыхание.

Давай, Ведьма, покажи, как ты умеешь прогибаться.

Будто почувствовав мой ментальный месседж, она врзается взглядом в меня.

— Извините, — выдыхает хрипло, и я готов поклясться, что ее голос дрожит.

Вот только не от страха... а от ярости, что пылает в ее зеленых глазах.

— Извините, что я согласилась выйти не в свою смену и подменить заболевшую уборщицу.

Она смотрит только на меня. Будто без труда вычислила, кто виноват в этой тупой травле.

Смотрит упрямо. Отчаянно и дерзко. Со странным блеском в глазах.

И я в эту секунду выкупаю, что истинные ведьмы не прогибаются. Вот почему их сжигали на кострах.

А прямо сейчас Вера сама подносит зажженный факел к хворосту.

— Извините, что я всегда шла вам навстречу.

Она наконец отпускает меня из ловушки своих мятежных глаз. Но только для того, чтобы снять фартук. Скомкав, пихает его в руки администратору.

— И извините, что я не даю себя в обиду... — Стрельнув глазами на Катю-Дашу, она заканчивает: — ...избалованным сукам, свято верующим, что у них голубая кровь.

Рыжая ахает от возмущения, краснея как помидор.

— Какая жалость, что у них внутри дерьмо точно такого же цвета, как и у других.

Ведьма дарит мне напоследок взгляд, полный ненависти, и, хрустя стеклом под ногами, стремительно уходит.

А у меня что-то болезненно дергается внутри. Будто чертова девка своими словами задела какой-то нерв.

— Тим, и ты так просто это оставишь?! — визгливо орет рыжая, хватая меня за руку.

— Конечно, нет, Даш...

— Я Диана! — с претензией в голосе.

Да и похуй.

Швырнув деньги на стол, я устремляюсь за Ведьмой.

Сам не знаю зачем.

Внутри меня непонятная мешанина из эмоций. Сердце колотится как сумасшедшее, пока я преодолеваю ступеньки и выскакиваю на улицу.

Я просто хочу ее догнать. И что, Тим, ты хочешь увидеть? Страх, ненависть или поражение?

Не знаю. Не знаю я! Но что-то толкает меня вперед.

За секунду до того, как Ведьма сбежала, я сделал шокирующее открытие. И теперь оно жжет где-то под ребрами, нестерпимо, заставляя двигаться быстрее.

Выставив плечо, расталкиваю лениво ползущих прохожих. Шарю глазами по толпе и облегченно выдыхаю, заведя впереди знакомые разноцветные вихры и белые наушники.

Ускоряю шаг, а потом и вовсе перехожу на бег.

— Вера! — зову ее, кажется, впервые по имени, но шум стройки и гул машин перекрывают абсолютно все звуки.

Бегу за этой припадочной, до конца не веря, что делаю это.

Но... за секунду до того, как Ведьма капитулировала, клянусь, я увидел блеснувшую в ее глазах влагу... и разгадал главный секрет всех ведьм.

Они тоже умеют плакать.

#####

10. Тим. Глухая

Черт!

Ведьма будто нарочно ускоряет шаг.

Впереди большой перекресток. К счастью — с последними секундами на табло.

Но эта сумасшедшая уверенно шлепает на зебру.

— Стой!

— Не успеешь уже!

Какие-то тетki явно обращаются к Ведьме, но она их тупо игнорит.

Три... два...

Краем глаза ловлю движение.

Черный «немец» несется, как на пожар. Этот персонаж явно руководствуется правилом всех дебилов — красный наш, зеленый общий, — и только поддает газу.

Сука, он же сейчас собьет ее!

Ведьма будто почувствовав опасность, поворачивает голову и резко останавливается.

Я рвусь к ней. Звуки все пропадают, воздух уплотняется. В моем фокусе только ее лицо.

Время растягивается как резина, а потом резко рвется на фрагменты.

Моя рука тянется к ее. Рывок на себя. Падаем как кегли. Асфальт больно ударяет в плечо.

Противный визг покрышек пробивает вату в ушах. Следом обрушиваются все звуки.

Стройка, крики, сигналы машин. Все сливается в один гул.

Ведьма лежит подо мной. Ее лицо бледнее снега. Глаза с мокрыми стрелами ресниц испуганные, зрачки расширены на максимум.

— Слезь с меня, — сипит и толкает меня в отбитое плечо.

Не сразу соображаю, чего она от меня хочет. Тело адреналинит так, что проводимость сигналов запаздывает.

Поднимаюсь, Ведьма встает следом, она явно дезориентирована. Снова нацепляет слетевшие наушники.

Толпа вокруг возбужденно гудит, обступив нас полукругом.

Кто-то советует вызвать скорую и ментов, кто-то одобрительно хлопает меня по плечу — ебать как больно! — а кто-то танком проходится по тупой молодежи, которая не смотрит по сторонам. Галдеж стоит такой, что у меня уже уши болят.

Под шумок буксирую притихшую Ведьму подальше от агрессивных теток.

Внутри меня тоже та еще революция.

Моей выдержки хватает ненадолго.

Завернув за угол, вжимаю Ведьму в стену.

— Нахрена ты поперлась на красный, а, Вер?! Тебе же все кричали... — ору на нее. Голос не слушается и сбивается на

хрип.

— А если бы я не успел? Размазало бы по асфальту!..

Меня натурально трясет, когда я это произношу. Афтершоки подъехали.

Ведьма молча смотрит мне прямо в душу. Бесит.

Что ж ты со мной делаешь, а?

— Меломанка чертова! Совсем оглохла от своего музла!

— рычу и с силой дергаю с ее головы белый пластик: — Что ты там хоть слушаешь? Оно стоило того, чтобы...

Прижимаю мягкий амбушюр к уху, а в динамике тишина.

Что за?..

Непонимающе смотрю на Ведьму.

Мозг наконец выходит из коматоза и подкидывает момент, когда мы валялись на асфальте. Тогда ведь в наушниках тоже было тихо.

А следом на меня валятся все непонятки, на которые я тупо не обращал внимания.

Светофор, рестик... центр для глухих детей, язык жестов... игра в королеву игнора...

Дурацкие наушники. Они как лишний болтик в уже собранном часовом механизме. Мешают и отвлекают от главного.

От того, что было на поверхности все это время.

— Зайцева, ты че реально не слышала? — Чувствую, как что-то проваливается в животе.

Все сложилось.

— Ты глухая... — выдыхаю еле слышно, и сразу замечаю, как растерянность в ее взгляде сменяется жгучей ненавистью.

— Надо же, — она выплевывает слова, как отравленные пули, и вырывается из моих объятий. — Догадался, наконец. Да, глухая, и че? Теперь ты доволен, урод?

— Доволен?

С силой провожу ладонями по затылку, сцепляю кисти в замок.

А-а-а, дичь лютая.

Да я из-за тебя, полоумная, из ахуенеза не выкисаю!

В крови бурлит бешенство. Буквально, блядь. Эта ядовитая змеища обвела меня вокруг пальца, как вшивого лоха.

Глухая. И ведь притворялась нормальной телкой, что и не заподозришь.

— Пиздец какой-то! — рвано выдыхаю я.

Ведьма собирается ливнуть, и я делаю рывок, перегоразивая ей дорогу:

— Куда это ты собралась, а?!

Она с размаху толкает меня в больное плечо, заставляя отступить на шаг.

— Отъебись! — рычит, сверкая в полутьме глазами.

— Да стой ты, бешеная! — кричу, хватая ее за руку.

Ведьма смотрит в ответ с такой неприкрытой ненавистью, будто мечтает мою тушку расчленить и расфасовать по пакетам.

— Меня щас стошнит от твоей рожи, глист белообрый. Че ты доебался до меня, как пьяный до радио? — Морщится, дергая конечностью: — Свали уже наконец куда подальше!

— Я тоже, блядь, не пылаю к тебе великой любовью! — рывкаю в ответ, закипая. — Но я только что спас твою тощую жопу. И где же твое ебать-какое большое-спасибо, Ведьма?

— Пошелнахуста! — выплевывает. Еще немного, и у нее яд закапает с клыков.

Ой, блядь.

Язык чешется послать ее по тому же маршруту, развернуться и уйти. Но взгляд цепляется за темное пятно слева, расплзающееся по ее футболке.

— Стой, Вер... Да стой ты! — пытаюсь говорить спокойнее, хотя пальцы так и чешутся вцепиться в ее цыплячью шею и сжать до хруста. — У тебя кровь!

На серой ткани хорошо виден темный, мокрый подтек.

Ведьма недоверчиво хмурится, но под моим пристальным взглядом скашивает глаза вниз. Быстро проводит рукой по груди и выше, по шее, к затылку.

Еще мгновение она смотрит на перепачканные красным пальцы... и, вдруг резко покачнувшись, закатывает свои бешеные зенки и оседает на асфальт.

Подхватываю ее, не давая приложиться башкой. Хотя этой злобной выдре было бы полезно.

— Эй!

Легонько трясую ее за плечо. Ноль реакции.

Склоняюсь ниже, трогаю жилку пульса. Стучит.

И зачем-то утыкаюсь носом в ее шею. Вдыхаю запах кожи, наполняя легкие дождем и ванилью.

Вопреки моему вздрюченному состоянию что-то темное внутри отзывается в ответ на мое безобидное действие.

Сердце разгоняется и толкает кровь. Она бешеным потоком несется по венам, оседая в паху болезненным импульсом.

Блядь, да я гребанный фрик!

А как еще объяснить этот феномен, когда мозг подбрасывает расчлененку с Ведьмой, а колбаса в штанах хуярит порно контент с ней же в главной роли?

Озадаченный такой подставой, цежу сквозь зубы:

— Зайцева, просыпайся давай.

Перехватываю ее тушку поудобнее. Сжимаю пальцами талию. Там вообще органы есть?

— Сколько ты вешишь, чудовище? С виду тощий недокормыш, а на деле баржа. Таскай тебя теперь...

В этот момент Ведьма открывает глаза.

— Не надорвись, — выдыхает с усилием. — И убери с меня свои грабли.

Хмыкаю, не спеша выпускать ее из вынужденных объяснений. Иначе стерва увидит, что Сафонов младший от счастья выпирает из штанов.

— Ты чего, крови боишься? Я думал ты ее литрами хлещешь.

— Не думай, тебе вредно.

Ведьма отталкивает меня и пытается удержать равновесие. Шипя, хватается за затылок, но ручонку предусмотрительно больше не разглядывает.

— Не нравится мне все это. — Поджав губы, наблюдаю за ее мотылянием. — Поехали, Ведьма, отвезу тебя в больницу...

Сам не верю, что я это говорю.

— Ерунда. — Вяло отмахивается. — Само заживет.

— Да, конечно, — фыркаю я. — Истечешь тут кровью, а завтра меня будут нежно сношать без смазки за причинение смерти по неосторожности. Погнали короче!

— Не надо мне твоей помощи!

Да ебанный ты в рот, какие мы самостоятельные.

Закатив глаза, хватаю за локоток эту гюрзу и волоку к тачке.

— Спасибо потом скажешь.

— А ебало не треснет? — плюется ядом.

— Ни вкуса. Ни манер. Полный распиздос, — тихо ворчу себе под нос, буксируя Ведьму.

Ну, конечно же, это глухое исчадие ада не может конвоироваться молча:

— Я тебе в эскорт не навязывалась, гандон перештопанный.

— Мгм.

— Будешь свою рыжую ляжпососиту манерам учить, —

она продолжает изрыгать потоки сознания, но хоть ноги передвигает в нужном направлении.

— Как ты сказала? Ляжпососита? — Качаю башкой. — Ор-р-ригинально. Кстати, она не моя.

— Кстати, мне похуй. Отвали уже от меня, опарыш!

Эта радужная гангрена предпринимает очередную попытку вырваться, но к счастью — мы уже на месте.

— Не могу, Ведьма, — криво ухмыляюсь. — Иначе кто будет причинять тебе добро и тяжело хиллить (*лечить — прим.автора*)

#####

11. Тим. пытки

Трамбую Ведьму на пассажирское сиденье и быстро огибаю капот. Врубаю двигатель, и салон наполняется низким рыком.

Зайцева, нахохлившись как боевой воробей, исподлобья следит за дорогой, а я задаюсь вопросом.

Нахуя я это делаю? Что за подгон с аль-факинг-трузизмом? Но отступать уже поздно.

— Как так вышло, что ты меня слышишь? — нарушаю я тягостное молчание, вырубивая на проспект. — Ведь ты же типа...

Я замолкаю, подбирая слова.

Ведьма отрывается от окна, и красная подсветка приборной панели придает ее лицу демоническое выражение.

— Он относил себя к умным людям, но они приносили его обратно, — зло цедит она. — Без подсказок твой усохший мозг никак не справляется с такой задачей? Или он у тебя размером с мышьиное говно и искусственный интеллект туда просто не поместился?

— Да ты пиздец юмористка! — фыркаю и делаю самое очевидное предположение. — Читаешь по губам?

— Бинго, — Ведьма растягивает свои пухлые губешки в язвительной ухмылке. — Поздравляю, Ватсон, ты справился с первой попытки. Еще какие-то вопросы будут?

— Наушники тогда зачем? — Киваю на пластиковые уши, висящие на ее шее.

— Чтобы скорбные умом меньше доебывались.

Ясно-понятно.

Пауза затягивается.

Барабаню по рулю и с трудом выдавливаю из себя слова:

— Это, Зайцева, за рестик прости, я...

— Стой! — Она резко подается вперед.

На автомате выжимаю педаль, машина дергается и с визгом тормозит. Сзади басовито сигналият, явно не разделяя радость поцеловать жопу моему мэрсу.

— Чего ты всполошилась? — Кручу башкой.

Никого нет.

Но Ведьма продолжает пристально пялиться на... вверх?

Чо за?..

— Погоди, я жду, когда на нас упадет метеорит, — сообщает она буднично, переводя на меня невинный взгляд. — Такое событие — золотозадый бабуин решил принести мне свои никчемные извинения.

Вот же с-с-стерва!

— Поехавшая! — Матерясь под нос, срываю тачку с места.

Ну вот как, блядь, ее не прибить?!

Пыхчу, стискивая челюсти, и машинально тянусь к магнитоле. Салон наполняет альтернативный рок, а Ведьма изумленно поворачивает ко мне свою башку.

Поднимаю брови в молчаливом протесте: «Какие-то проблемы?»

А через секунду до меня доходит, и я, психуя, скручиваю звук. Теперь тишину нарушает только рев мотора.

Блять.

С глухой Ведьмой под боком становится дико некомфортно. Будто все старые схемы закоротило, а новые проводят сигнал через жопу.

— Не бойся, мажорище, — слышится ее колкий голос. — Это не заразно.

Поворачиваю к ней голову и напарываюсь на взгляд, полный непримиримого огня.

— Ты еще и мысли читаешь?

— У тебя настолько убогий интеллект, что они просто отпечатываются на лбу, как переводные картинки, — доверительно сообщает мне и тут со вздохом прикрывает лицо ладонью.

Че за пантомима?

Херово, что ли?

Касаюсь ее руки, вынуждая посмотреть на меня:

— Голова болит?

— Глаза. — Ведьма полирует меня отнюдь не добрым взглядом. — Скоро ослепну от твоей невъебенной красоты. Можно я просто посижу, представляя, что тебя рядом нет?

— На здоровье, — бросаю и отворачиваюсь первым.

Один хер, боковым зрением ловлю, как Ведьма напялива-

ет свои бесполезные наушники и делает вид, что спит.

Ага, типа точку поставила в разговоре.

Королевишна.

Хотя, надо признать, что ее мордашка без обезьяньих ужимок выглядит не так уж и безобразно.

Че, герой, уже поплыл?

Раздраженно качаю башкой.

Не мой уровень.

А в клубе на нее слюни пускал так, что едва не захлебнулся.

Мой внутренний голос продолжает подкидывать кринжа. Член согласно наливается тяжестью. Предатели.

Стискиваю оплетку руля, стреляя глазами в генератор моих беспонтовых мыслей.

Будто почувствовав взгляд, Ведьма на мгновение опалает меня из-под ресниц хищной зеленью, а потом снова прикрывает веки.

Хмыкаю.

Зло бдит.

На светофоре притормаживаю и, пока табло отсчитывает секунды, снова кошусь на это исчадие ада.

Если честно выглядит она паршиво. И я сейчас не про ее радужную блевотину на голове и прикид из секунда.

Губы обветренные, под глазами синяки покруче моих бланшей. Вся прозрачная, аж вены просвечивает. Суповой набор — мешок костей и кружка крови.

Чертова задира Зайцева выглядит так, будто ничего не жрет, не спит, а только пашет без продыху.

Идиотка! С дебильной надписью на футболке «не(в)ротик».

Всю оставшуюся часть пути пытаюсь примириться с мыслью, что моя наглая и хамоватая пассажирка, кажется, заслуживает не пиздюлей, а тарелки супа и чертовой жалости.

Вскоре я паркуюсь у внушительного здания частной клиники с вывеской «Эс-Медикал».

Ведьма удивленно таращит глазищи, ерзая на сиденье.

— Куда ты меня привез? — В ее голосе дребезжит страх пополам со злостью. — Обещал же травмпункт!

— Какая разница? — Раздраженно выковыриваю ее из тачки. — Здесь тебя хоть посмотрят нормально.

— Ага, а потом пришлют километровый счет на лям, — шипит рассерженной кошкой. — Спасибо, не надо.

— Расслабься, Ведьма, — открываю ей входную дверь и подталкиваю в спину. — Сегодня все бесплатно. Даже костер святой инквизиции.

Фыркает, но хоть ногами перебирает.

На ресепе кратко обрисовываю ситуацию:

— Сотряс, возможно. Ага. Сделайте все, что нужно. Осмотр, обработка. Если надо — УЗИ, КТ... — Я на секунду ловлю полный подозрения взгляд Ведьмы и продолжаю: — МРТ, ФГДС, клизму, колоноскопию, кровь на анализ...

Задохнувшись от возмущения, она уже набирает в легкие

воздух, но я со смешком перебиваю:

— Хотя нет, с анализами повременим. Я же сегодня обещал без попыток.

#####

12. Вера. Читай по губам

Смотрели эти сериалы про врачей, где пациента всем таборм волокут на каталке по бесконечному коридору, попутно вбрасывая в эфир кучу непонятных слов?

Фильмом происходящее можно назвать с натяжкой. Но вайб тот же.

За какие-то сраные десять минут вокруг меня сгружается целый консилиум врачей.

И они все говорят, говорят, говорят.

Выхватываю только по паре фраз от каждого эскулапа. Фокусироваться сложно. Вдвойне — когда башка звенит так, будто у меня там колокольня с запутавшейся в стропах летучей мышью.

Белобрысый благодетель неотрывно торчит на периферии.

Прибила бы гандона.

Ой, ну вы сейчас скажете, что я неблагодарная агрессорша с завышенным ЧСВ?

Сафонов же типа такой свято-о-оша — спас меня, непутевую тетеху, возится теперь, лечит. А я только и делаю, что поливаю его гуано.

Ах, какая я плохая!

Алле! Прием!

Этот выродок специально — хабаровск ставлю! — при-

шел в ресторан, где я работаю. Упс, поправочка: ра-бо-та-ла!

Устроил гребанное представление со своими дружка-ми-свиньями. Они отменно там потусили... за мой счет. Уверена, за битое стекло вычли все из моей зарплаты, и при расчете я получу дырку от нуля. Еще и штраф вкатят!

Вам мало?

А как насчет того, что этот гамадрил довел меня до такого невменоза, что адекватность покинула чат в самый неподходящий момент, и я чуть не прокатилась на капоте.

Спас. До-о-о! Герой. До-о-о!

Эй! Не спешите одевать утырка в белые одежды.

Подумайте. Не заявись он сегодня ко мне на работу, я бы спокойно закончила смену. Собралась бы, мирно попрощалась со всеми и поехала домой.

И ничего бы этого не слу-чи-лось!

Помазав чем-то ранку на башке и таки сцедив две пробирки крови — это томатный сок, томатный сок! — меня раздевают до трусов и запихивают в аппарат МРТ.

И тут начинается мой персональный ад.

Главная фишка моего недуга — это не то, что я не слышу. А то, что мой дропнутый в детстве мозг превратился в садиста-извращенца.

Как бы крипово это не звучало, но абсолютной тишины для меня не существует.

Есть вечный звон, гул, шум на тех частотах, что мне еще доступны.

Вот прямо сейчас, в такт стуку этой шайтан-машины, у меня в ушах завелась разъяренная обезьяна с тарелками, которыми она от души ебашит, выжигая мне последние здоровые нейроны.

Скажем огромное спасибо белобрысому гаду за этот диджейский сет? До-о-о!

Я не знаю, сколько эта экзекуция длится, но по ощущениям — человечество успело шагнуть в новую эру.

Когда эта пытка заканчивается, и меня выкатывают из технологичного саркофага, от облегчения я готова расцеловать всех и каждого.

Конечно, кроме сморчка Сафонова.

В камерке рядом с пыточной скидываю с себя прозрачную ночнушку, в которую меня обрядили на манер городской сумасшедшей.

Натягиваю джинсы и тянусь к лифчику. И в этот момент дверь открывается.

— Заня... — слова застревают в горле, когда я вижу, кого там нелегкая принесла.

Белобрысый прыщ собственной персоной. Стоит и пялится.

Инстинктивно прижимаю руки к груди и сурикатом замираю под оценивающим, наглым взглядом.

Резко отворачиваюсь, лишая себя тактического преимущества — вздумай сейчас бабуин открыть варезку, и я не разберу половины слов.

Стыд колючими разрядами жалит кожу.

Наплевав на лифак, пулей ныряю в вырез футболки, стараясь не думать, в чем она уляпана. Это томатный, мать его, сок!

Повернув башку в сторону благородной личинки, зло бросаю:

— Тебя не учили стучаться прежде, чем входить?

Он вопросительно задирает бровь.

— Тебе-то какая разница?

Вместо ответа пожимаю плечами.

Хрена лысого я признаюсь этому утырку, что стук в дверь я слышу... как и его противный голос.

— Учили. — Гаденыш складывает руки на груди, будто спецом приперся сюда заценить мои сиськи. — Но я вечно путаю. Поэтому для меня нет закрытых дверей.

— Оно и видно! — Поджимаю губы, припоминая, как он вломился ко мне в туалетную кабинку в клубе.

Всего пара дней прошло, а я этого вонючего клопа уже на дух не перевариваю.

— И, кстати, я стучал, — нагло заявляет он, продолжая пожирать меня глазами. Чувствую его взгляд на уровне моей груди и злюсь еще сильнее.

— Зачетная надпись. — Скалится, перекаtywаясь с пятки на носок. — Твой девиз по жизни? А как же «анал спасет мир»? Или она у тебя уже набита на заднице?

— С каждым твоим словом, гандон, — рычу, — мне все

сильнее хочется заняться твоим просвещением. Желательно вколачивая эти бесценные знания в твою пустую черепную коробку... но, может, через задницу и быстрее дойдет. Только скажи!

— Ты слишком много на себя берешь, Ведьма, — отбρίζει подачу Сафонов... и захлопывает дверь. С этой стороны.

А через мгновение я уже прижата к стене. Дергаюсь, но гад наваливается всем телом, сокращая расстояние между нашими лицами до жалких сантиметров.

Меня окутывает его запахом. Невольно втягиваю аромат глубже. Соленый морской ветер, кожа и бергамот.

Уютно, тепло и как-то лично.

Так не могут пахнуть избалованные придурки. Так пахнет кто-то... свой.

Полные губы мажора дергаются, складываясь в слова:

— А теперь слушай...

Он презрительно кривится, явно поняв всю патовость ситуации.

Глухая и «слушай».

Но не успеваю пройтись ядовитой бритвой по его промашке, как ловлю в серых глазах предвестники надвигающейся бури.

— ...тогда читай по губам, Ве-ра.

13. Вера. Гаденыш

— Читай по губам, Ве-ра, и хорошенько запомни. — Искаженный механический голос мажора вибрирует у меня в голове.

— Я никогда не был терпеливым человеком. И ты со своим грязным ртом и обезьяньими ужимками у меня вот уже где! — Сафонов ребром свободной ладони резко чиркает по своей шее.

Каждая мышца его лица напряжена, скулы резко очерчены, губы поджаты, ноздри не так давно зафаршмаченного носа сердито раздуты. Не нужно быть профи в физиогномике, чтобы догадаться — белобрысый пуп Земли в бешенстве.

Дергаюсь, пытаюсь выскользнуть из этих недо-объятий, но Сафонов ловко блокирует эту попытку. Хватает мои руки и фиксирует у меня над головой — не рыпнуться.

Какого хера?!

А вот сейчас уже не смешно. Этот кабан весит в два раза больше, чем я, выше меня на башку и сильнее физически. И он абсолютно точно трезв.

— Неужели я тебя задела? — бравирую, не отрывая взгляда от его перекошенного гневом лица.

Я чувствую, как предательски дрожат поджилки, но изо всех сил стараюсь не показывать страха.

— Ой, мне так жаль! — тяну с издевкой. — Ты, главное,

не плачь... хотя нет, лучше выплакайся, а то еще помрешь такой невъебенный от отека мозга. Правда, чему там отекать?..

Его глаза опасно сужаются. Сафонов наклоняется еще ближе, так что я вижу каждую темную крапинку на светло-серой радужке, каждую жесткую морщинку в уголках глаз. Его губы растягиваются в подобие улыбки, когда он отбивает с паузами:

— Еще одно слово, Ведьма, и я нарушу свое правило — не мараться в грязи... и заткну твой рот. Очень действенным способом.

Я оскаливаюсь, чувствуя, как дрожь бежит по спине.

— Боюсь, меня стошнит от твоих «действенных способов».

В ответ его лицо искажается странной эмоцией. Триумф, предвкушение?..

Не успеваю я и пикнуть, как Сафонов резко подается вперед. Наваливается на меня своей тушей, вдавливая в стену всем весом и лишая воздуха. Коленом жестко вклинивается между моих ног, распиная меня и лишая возможности лягнуть мудака по яйцам.

Мне бы закричать, но урод не дает нормально сделать вдох.

Его пальцы, шершавые и горячие, впиваются в обнаженную полоску кожи на животе, а затем резко рвут вверх, под футболку. Кожа под его ладонями вспыхивает. Меня жалит

разрядами тока.

— Не на... — сиплю, панически дергаясь в его хватке.

И резко замираю, когда ладонь останавливается в сантиметрах от моей груди.

Дышу как паровоз, не в силах поверить в происходящее. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот прорвет кожу.

Внутри все кипит от негодования и ядовитой ненависти. Но тело, как в самом страшном кошмаре, предательски цеменеет и не способно дать отпор.

Из паралича меня выдергивает уверенное касание подушечкой большого пальца к нежной коже под ареолой соска.

Вздрагиваю, как от удара током, и смотрю прямо на своего мучителя, чувствуя, как глаза жжет от подступивших близко-близко слез.

Гаденыш не отворачивается, пригвождая меня к месту одним лишь взглядом.

— Что же ты замолчала, Ведьма? Неужто растеряла все свои дерьмо-словечки? — с издевкой протягивает он.

И будто нарочно несколько раз ощутимо проводит по тому месту, где набита моя татушка — крохотная оливковая ветвь.

Втягиваю сквозь зубы воздух, когда наглые пальцы ложатся на полушарие груди и резко сжимаются.

Зрачки уроды неожиданно расширяются на максимум, поглощая серую радужку. Он сокращает расстояние между нашими лицами до минимума. Его мятное дыхание овеивает

мои губы.

Сместив ладонь с моей груди на шею, он слегка сжимает пальцы. Мой пульс стучит стаккато.

— Не зли меня больше, Вера, — произносит этот маньяк.

— А то что... отшлепаешь? — стиснув челюсть, цежу я.

Господи, кто тянет меня за язык?!

Его лицо внезапно смягчается.

— М-м-м... Не подыгрывай моим фантазиям. Иначе... я сделаю для тебя исключение.

И так же внезапно, как и утрамбовал в стену, белобрысый отморозок отпускает меня. Дверь за ним закрывается с ощутимым хлопком, вибрация передается мне.

Руки падают плетями, ноги трясутся, и я стекаю по стене на пол.

И что это сейчас было?

#####

14. Вера. Женщина в белом

И что это сейчас было? Попытки по-Сафоновски?

Сижу, чувствуя себя облапанной. Грязной. Вот только эту грязь на мне оставили руки блондинистого червя.

— Не-на-ви-жу, — выдыхаю, зло стирая со щеки слезу.

Подтягиваю колени и сижу так до тех пор, пока в каморку не заглядывает медсестра и не уводит меня на очередной круг ада.

После этой демонстрации силы я сама себе напоминаю выжатый лимон. Молча и терпеливо сношу остальные манипуляции, и — о, боги! — даже не хлопаюсь в обморок, когда мне ставят какую-то до усрачки полезную капельницу.

Сафонов больше не торчит со мной рядом, будто потерял всякий интерес. Но его незримое присутствие в клинике я ощущаю кожей.

Будто мои радары настроились на него и теперь улавливают малейшие колебания пространства.

Вот и сейчас, еще до того, как дверь палаты открывается, мое чутье буквально кричит о том, что там мой враг.

Белобрысый урод просачивается внутрь в компании бумажного пакета.

— Поешь. — Ставит его на тумбу рядом с койкой. По палате немедленно расплывается запах еды — умопомрачительно до резей в животе.

— Я не голодна, — сглотнув слюну, холодно буркаю.
Вопреки моим словам ощущаю, как ноет от боли желудок.
Уголок рта Сафонова дергается.

— Я так и понял.

Он явно собирается что-то еще сказать, но я больше не хочу «слушать».

Отворачиваюсь и закрываю глаза.

Я не хочу с тобой говорить.

Надеюсь, гандон, твоих зачатков мозга хватит, чтобы разгадать этот ребус без подсказки.

Из-под ресниц слежу, как широкая спина исчезает в дверном проеме.

Фух!

Стоит этой белой плесени оставить меня одну, как я принимаю вертикальное положение и тянусь к катетеру. Я ни секунды не останусь здесь.

Мешкаю, с сомнением поглядывая на трубку системы с бабочкой на конце, прилепленной к коже лейкопластырем. Если выдерну неаккуратно, позорно хлопнусь в обморок.

Закусив губу, хватаюсь за пластик, и в этот момент в поле моего зрения появляются белые остроносые лодочки.

Они, конечно, материализуются не одни, а в комплекте с остальным телом.

Я удивленно пялюсь на женщину, упакованную в светлый брючный костюм.

Белого вообще в незнакомке слишком много.

Светлые волосы с проседью, стянутые в узел на затылке. Прозрачно-серые глаза. На руках тяжелые чеканные браслеты из светлого металла, пальцы унизаны перстнями.

Багровый шейный платок и помада в тон — единственные яркие акценты.

От этой олд-леди за версту веет олд-мани. И она ни хрена не похожа на медсестру.

— Я бы категорически не советовала этого делать, дитя, — шевелятся ее багровые губы.

— Я бы с удовольствием повалилась тут еще, — копирую ее манеру, но у меня выходит чуть резче, чем хотелось. — Жаль атмосфера не располагает.

В ответ на мои слова женщина тут же неодобрительно поджимает губы.

— Я вызову кого-то из персонала. — Она тянется к пульта рядом с койкой. — Не хотелось бы наблюдать за вашим обмороком.

— Откуда вы знаете? — Не свожу с этой странной женщины глаз.

Высокая, подтянутая, с возрастными морщинами на лице и шее, но при этом у меня язык не поворачивается назвать ее старушкой.

Старушки мягкие и кругленькие. Они вяжут носки, пекут пирожки и балуют внуков.

От дамы в белом веет такой властью, что я невольно подбираюсь.

— В моей клинике от меня секретов нет, — скупно улыбувшись, женщина представляется: — Анастасия Романовна.

— Вера.

Громкий стук в дверь разбивает нашу идиллию.

— Ведьма, будь готова через... — Сафонов, переводит взгляд с меня на мою неожиданную посетительницу. — А, вы здесь...

На его лице мелькает досада, но я уже смотрю на Анастасию Романовну.

— Я удивлена, что ты здесь. — Сложив руки на груди, она снова поджимает губы, превращая их в багровую полосу на лице. Скептически задирает тонкую бровь. — Хотя, кто еще мог устроить тут такой переполох.

В ответ этот прыщ погано ухмыляется и, игнорируя недовольство владелицы клиники, бросает мне:

— Через полчаса отчаливаем, будь готова.

И, больше не говоря ни слова, сваливает.

Ну и скотина! Кто так себя ведет?

Зато постучал!

— Краса-а-авец, — качает головой Анастасия Романовна, явно восхищаясь маской панды на роже Сафонова. — Ваш молодой человек?

— Шутите? — Вылупаюсь на нее во все глаза и не выдерживаю: — Быстрее ад замерзнет, чем я с этим бабуином встречаться начну.

Меня аж передергивает от такой перспективы.

Анастасия Романовна с непроницаемым лицом наблюдает, как я избавляюсь от катетера. Молча подает мне гемостатическую салфетку.

— Я бы на вашем месте дождалась Тимофея, — она все-таки не удерживается от совета.

Хорошо, что я не собираюсь ему следовать.

Я успеваю влезть в кеды, когда появляется встревоженная медсестра и начинает причитать:

— Ну что же вы делаете? Так неаккуратно вытащили иглу, синяк же будет.

Ой, меня это вообще мало волнует.

— Дайте хоть я вам перевяжу.

Деятельная медсестра быстро бинтует меня и испаряется.

Анастасия Романовна тоже собирается на выход.

— И все же, я считаю, вам не стоит отказываться от помощи Тимофея, Вера, — на прощанье произносит она.

— Помощь этого придурка? Скорее проклятие... — вырывается у меня горькое.

— Не думаю, что это оно. Хотя, как знать. Как знать.

— Забота об его удобстве тоже входит в ваши должностные обязанности? — хмыкаю.

Меня раздражает ее заикленность на персоне белобрысого говнюка.

— Иногда. — Анастасия Романовна с легкой улыбкой элегантно заправляет прядь волос и, как из дробовика, расстре-

ливает меня в упор: — В конце концов, этот придурок — мой внук.

Шта?!

15. Тим. Треш

Раздраженно отбиваю ногой ритм, пялясь на дверь ведьминской палаты.

Какого хуя я еще здесь?

Дверь приоткрывается, и Анастасия Романовна царственно выплывает в коридор.

— Здравствуй, Тимофей, — как всегда, первой напоминает мне о манерах.

— Здравствуйте, — отбиваю и добавляю с усмешкой, — бабушка.

Ожидаемо Анастасия Романовна морщится так, будто я на всю клинику крикнул слово «хуй».

Еще давным-давно она запретила называть ее бабой Настей, но я периодически не могу сдержаться от подъебонов.

— У тебя интересная знакомая, — бабушка дипломатично подбирает выражения.

Ага, «ебанутая» не в ее лексиконе.

— Вы хотели сказать: долбанутая на всю голову, — с коротким смешком кручу пальцем у виска. — Это так... недо-разумение.

— И все же, кто она?

Кривлюсь:

— Долго рассказывать... Да и не хочется вас грузить всякой фигней.

— Из-за фигни, как ты изволил выразиться, малознакомых девушек не привозят в мою клинику... — Анастасия Романовна с дотошностью опытного следака раскладывает все по фактам, не позволяя увильнуть от расспросов. — ... и не гоняют мой персонал так, будто здесь принимают персону королевских кровей, не меньше.

— Ну ба-а-а!.. — Раздраженно закатываю глаза. — Ну давайте без нотаций! Ваш сын уже порядком выдрочил меня...

— Не выражайся! — добавляет стали в голос. — Несносный мальчишка, сколько я тебя учила манерам?

— Простите, это нервное...

Ерошу волосы на затылке и жду короночку.

— Займись своими нервами, — с прохладцей язвит бабушка и добивает: — А в выходные приедешь ко мне и подробно расскажешь, как ты до такого докатился. Все с самого начала.

— Принято, — бурчу.

Ну вот, пиздюли от дорогой бабули скоро тоже подъедут.

Мягко взяв меня за подбородок, Анастасия Романовна крутит мою башку в разные стороны.

— Мда, украшение под стать бандиту. Это тоже долгая история?

Да как сказать.

В этот момент из палаты выскакивает всклоченная Ведьма и замирает, пялясь на нас с Анастасией Романовной так, будто апокалипсис начался.

Бабушка озадаченно разглядывает надпись «не(в)ротик» на футболке Ведьмы.

В ответ та густо краснеет.

Да ладно?! Эта стерва умеет краснеть? Щас снег точно пойдет, и метеорит ебнется прямо нам на бошки.

— Пожалуй, оставляю вас одних. — Анастасия Романовна, сделав какие-то выводы, кивает нам обоим и гордо удаляется.

Ой, чует моя задница, расспросы в выходные будут быстро переквалифицированы в пытки.

Зайцева, у которой на лице еще пару секунд назад явно читалось желание съебаться отсюда, теперь стоит и пришибленно пялится вслед бабушке.

Смотрю на это исчадие ада, заложив руки в задние карманы джинсов.

Хочется поржать.

Что, обломала зубы об мою бабулю?

С уверенностью могу сказать, что Анастасия Романовна обладает не только бульдожьей хваткой, но и стальными яйцами, которые на порядок больше отцовских.

После смерти деда бабушка взяла на себя все проблемы с бизнесом и до сих пор правит — как истинная княжна — железной рукой.

Вот кому бы в политику. Но на этот счет Анастасия Романовна могла бы предельно четко выразиться, мол, ее никогда не будет в этой грязи.

Ну че тут скажешь? Кесарю кесарево.

— Пойдем, — подхожу к Ведьме и касаюсь ее плеча, привлекая внимание.

Она тут же дергает им, сбрасывая мою руку:

— Сама дойду.

— Ну сама, так сама, — легко соглашаюсь. И вопреки сказанному конвоирую ее на выход из клиники.

Я бы сейчас с удовольствием обеспечил Ведьме три вещи: чемодан, вокзал, на хуй.

Но какая-то часть меня желает «насладиться приятным обществом» по полной.

И я ловко пакую исчадие ада в тачку.

Однозначно, эта часть меня осталась довольна назапланированным сеансом стриприза.

И член с ней, сука, ой как солидарен.

Я выруливаю с парковки клиники, а перед глазами так и стоит ведьминская двоечка.

Налитые девочки — левая еще и с дерзким росчерком та-тушки, прямо под упругим полушарием, — увенчанные темными вишенками сосков, вмиг устроили прямое включение моему члену.

Парень болезненным колом оттягивал ширинку, пока я лапал восхитительные сиськи отвратительной Ведьмы. И еще минут двадцать стоял, пока я приводил себя в чувства, хлебая ледяную воду из кулера.

Бля. Что со мной?

Почему я хочу эту невыносимую стерву так, что перед глазами темные круги, а кровь курсирует только в паху.

Глухая Ведьма бесит меня так, что милосерднее ее прибить, чтоб не мучилась. И пахнет, сука, так, что зажигает во мне похоть в секунду.

Эта дрянь насилует мне мозг, а я вместо того, чтобы послать ее по знакомому маршруту, всерьез думаю о том, как устроить с ней сладкий износ.

Тре-е-еш!

16. Тим. Злая

— Мы сейчас в жопу ему влетим! — сердито вырывает меня из пошленьких грез Ведьма.

Оттормаживаюсь, увеличивая дистанцию с кроссовером.

— Не ссы. Все под контролем, — хрипло отвечаю, на секунду взглянув на злую Зайцеву.

Да ни хуя не под контролем!

Меня штырит от запаха и близости этой сучки так, что пальцы дергает.

Не знаю, как мы доехали из точки А в точку Б и не разъебали тачку.

Чудом, не иначе!

— Ты здесь живешь? — Приподнимаю брови, разглядывая угандошенную панельку.

— А ты думал — под мостом? — Язва закатывает свои зеленые глазенки и выбирается наружу, не забыв от души ебнуть дверью.

Стерва неблагодарная.

В салоне остается ее чертов запах, и я за каким-то хером выхожу следом.

— Провожу, — буркаю на невысказанный вопрос. — Мало ли чего...

— Это «чего» уже со мной случилось, — Ведьма срубает на корню все мои попытки быть, сука, джентельменом, и

раздраженно копошится в сумке.

Я топаю за ней следом в темный подъезд, пропахший кошачьей мочой и жареным луком.

Игноря меня, Ведьма шлепает по ступенькам вверх. Я, как привязанный, поднимаюсь за ней на третий этаж.

Здесь шумно, грязно и накурено. Дверь из тамбура ведет в длинный коридор с наваленным кучами хламом — от старых лысых покрышек и великов до коробок и поддонов с какой-то увядшей зеленью.

Мимо проносится тетка в засаленном халате и с тазом в руках.

— О, Верка, чего так поздно? — кричит она, не сбавляя шага и успевая стрельнуть в меня любопытным взглядом. — На свиданку бегала, штоль?

— Здрасьте, тетя Маш, да пришлось смену отработать, — неохотно откликается Ведьма.

— А ну-ну! Заходи потом ко мне за картошкой.

— Ага.

Картошкой? Сириусли?

Тетка вместе с тазом скрывается за обшарпанной дверью, а Ведьма, растеряв все добродушие, оборачивается ко мне.

— Че ты пристал, как банный лист к жопе?! — шипит, сузив зеленые глаза. — Топай уже отсюда!

Выгнутой спины не хватает, и будет вылитая дворовая кошка.

Хмыкаю.

— Я обещал тебя проводить...

Она тут же зло перебивает:

— Все, проводил! А теперь вали!

И все это свистящим шепотом и с оглядкой на двери.

Что, Ведьма, боишься, тетка с тазом прибежит и всучит мне твою сраную картошку? Или что обитатели этих убогих халуп сбегутся посмотреть, кого ты на ночь глядя привела? Может, еще и мемно «шлюха» покричат из-за угла?

Становится смешно. Зажевав улыбку, складываю руки на груди и отбиваю:

— До двери.

Набрав побольше воздуха в грудь, Ведьма прожигает меня взглядом, а потом, так ничего и не сказав, раздраженно топает в конец коридора.

На дверном полотне, выкрашенном в черный цвет, крупно написано белой краской: «Зайцева». Сбоку кто-то приписал зеленой — злая.

Злая Зая. Ну кто бы сомневался.

— Дверь, Сафонов. Сафонов, дверь, — скороговоркой произносит Ведьма и отпирает замок.

Ее разноцветные вихры воинственно топорщатся. Упираю ладонь в косяк как раз над ее башкой.

Ведьма замирает. Склоняюсь ниже, перехватывая ледяной взгляд.

— На чай не пригласишь? — зачем-то стебу ее.

Ни за какие бабки мира я не останусь здесь. И уж тем бо-

лее не возьму ничего из рук этой буйнопомешанной.

Отравит еще. Ну нахер.

Секундная пауза.

А потом, широко распахнув дверь, Ведьма шагает в темноту комнаты... и с треском захлопывает ее прямо перед моим носом.

Ну, нет, значит, нет. Хотя спасибо стоило разок сказать. Весь вечер угрохал на эту ненормальную.

Криво ухмыляюсь, проделывая обратный путь к тачке.

Уже засыпая в своей постели, вдруг вспоминаю убогое пристанище Ведьмы. Живет в сраном клоповнике, жрет картошку, а строит из себя нитакусю.

Стерва заносчивая. С охуительными сиськами.

Не-е-е, нахуй мне этот аттракцион.

Завтра же откажусь от отработки, пока мозг совсем в трусы не утек.

Решено.

17. Тим. Защитнички

Утром еду в центр в самом мрачном расположении духа. Насмотревшись порно снов с чертовой Ведьмой и ее сиськами, я как дебил полночи тыкался в матрас стояком. Думал, прорву ткань к куям.

Спрашивается, какого банана я сегодня подскочил ни свет ни заря и мчу на отработку повинности, если все уже решил?

Уверен на все двести процентов, мерзкая Ведьма уже торчит там. С этой припадочной станется насрать на постельный режим после легкого сотряса и приползти в свой драгоценный центр волонтерить из последних силенок.

Почему меня это волнует? Вот на этот вопрос вообще по comments.

Сжимаю оплетку руля с такой силой, что та протестующе скрипит.

Я просто хочу убедиться, что Зайцева именно такая — убогая дура с напроць угандошенным чувством самосохранения.

Как же она меня бесит. А я ее еще даже сегодня не видел. Паркуюсь рядом с центром и захожу внутрь. Ведьмы в камерке волонтеров нет.

Какое-то странное чувство зудит под ребрами, и я, ведомый им, направляюсь в кабинет к директорисе.

— Здравсьте. А Зайцева где? — врываюсь без стука.

Валерия Дмитриевна поднимает на меня настороженные глаза.

— Здравствуйте, Тимофей. Вера взяла отгул.

Да ладно? Снега ждать с метелью?

Я уже собираюсь свалить из кабинета, но то самое, неясное чувство резко трансформируется в вину, и я как под гипнозом выдавливаю из себя:

— Помощь нужна какая?

Тонкие брови Валерии Дмитриевны взлетают вверх, и она смотрит на меня так, будто у меня рога выросли.

— Вы знаете, как раз сейчас должна подойти газель с продуктами. На кухню... если вам несложно?..

— Окей, — киваю и двигаю вон из кабинета.

Вот кто тебя за язык тянул, а, Сафонов? Благодетель, блять, белопольтовый.

Хмыкаю. Это все тлетворное влияние Ведьмы. Прокляла, сучка, не иначе.

Еще около часа я тусуюсь в центре. Добрых дел оказывается неожиданно много. Разгрузка, уборка, подтекающий кран в бойлерной...

Усвиняченный и мокрый вываливаюсь на улицу с двумя огромными пакетами мусора.

Звонок телефона раздается как раз в тот момент, когда я, утилизировав ношу, шлепаю на парковку.

— Где ты? — в динамике раздается недовольный голос бати.

— Познаю жизнь простого обывателя, — ворчу, смахивая грязь со лба, и не удерживаюсь от язвительного комментария: — По твоему же приказу.

— Жду тебя в офисе.

— Не могу, я занят... — хочу еще добавить, что мне нужно надраить толчки, но в этот момент мне прилетает чем-то в затылок.

Дергаюсь, телефон выскальзывает из руки и с хрустом убивается об асфальт.

— Какого хера?! — рычу я, разворачиваясь, и осекаюсь, разглядывая тощего пацаненка лет тринадцати, застывшего напротив.

Наглый и прямой взгляд, упрямо сжатая челюсть и воинственная поза прямо-таки кричат — местный абориген настроен ко мне враждебно.

За его спиной собралась целая ватага таких же мелких сопляков. И все до единого смотрят на меня с нескрываемой ненавистью.

В руке предводителя замечаю ком грязи. Так вот, что стекает мне за шиворот.

— Кидай, — киваю ему. — Или ты смелый, только пока я не вижу?

Пацан цыкает и бросает ком грязи мне под ноги. На обритых висках замечаю странные круглые штуки, похоже приделанные прямо к черепушке.

— Если ты еще хоть раз обидишь наших девчонок, —

звонко и четко говорит он. — Мы начистим тебе пятак. Понял, глиста в скафандре?

— Кого я успел обидеть? — складываю руки на груди, стреляя глазами по сторонам.

Из окон первого этажа за нами следят с дюжину любопытных мордашек.

— Маринку, кого еще-то! — произносит пацан как само собой разумеющееся.

Марина, я так понимаю, вчерашняя девчонка, что растянулась на мокром полу.

Хмыкаю, стараясь сохранить лицо.

Не каждый день мне угрожают начистить пятак.

Пожимаю плечами.

— Это вышло случайно...

— Врешь! — выкрикивает один из мелких. — Она из-за тебя вчера зуб сломала и губу прикусила!

— Мне жаль, пацаны. — произношу спокойно, стараясь не кривиться от ощущения сползающей по спине липкой грязи.

— Ага. Жаль ему. А извиняться кто будет? — тут же возражает мне рыжий шкет из толпы.

Другие тут же подхватывают;

— Вы видели его тачку?! А кроссы и часы? Да у него рожа треснет, если он простое спасибо скажет.

— Ничо не умеет! Я сам от дяди Гриши слышал, богатеи даже кран затянуть нормально не смог!..

— А давайте его говном закидаем!

Предводитель цыкает на мелких и говорит мне:

— Девчонок обижать нельзя. У Маринки и так проблем хватает с батей-алкашом, а тут еще и зуб...

Черт.

— Я не знал.

Пацан вздыхает так по-взрослому, будто ему каждый раз приходится вот таким долбоебам, как я, объяснять прописные истины.

— Делай нормально — нормально будет, — он неожиданно изрекает пацанскую цитату. — Не знаешь, как тряпку отжать и полы помыть, спроси. И перед Маринкой извинись.

— Добро.

— И Веру нашу не трогай! — снова выкрикивает тот мелкий рыжий мститель, что предлагал меня дерьмом закидать.

Двое пацанов убегают и возвращаются в компании той самой Марины.

Обращаюсь к предводителю:

— Тебя как зовут?

— Семен, — насупившись, отвечает.

— Тимофей, — представляюсь следом. — Марина ведь меня не слышит?

Качает головой.

— Поможешь? — поясняю с улыбкой: — Я не знаю вашего инопланетянского языка...

Семен нерешительно переглядывается с мелкими.

— Ла-а-адно, — тянет. — Только я переводить не буду! Сам скажешь.

Выслушав меня, Семен быстро показывает жесты.

Я присаживаюсь перед Мариной и, неуверенно сложив перед грудью ладони в молитвенном жесте, двигаю ими по направлению к ней.

Прости.

Тыкаю пальцем себе в грудь.

Меня.

Снова указываю пальцем на себя. Сжимаю пальцы в кулак у виска, и резко разгибаю их, выбрасывая ладонь вперед.

Я не хотел.

Марина внимательно следит за моими действиями. И на последнем жесте ее брови удивленно ползут вверх.

Неправильно, что ли?

Повторяю всё заново.

Пацаны начинают тихонько ржать, тыкая друг друга локтями. Губы Марины тоже дергаются в робкой улыбке. Семен же смотрит на меня с затаенной усмешкой во взгляде.

Чувствую какой-то подвох, но Марина в этот момент как раз медленно указывает на себя пальцем, потом на меня. А следом раскрывает маленькую ладошку и другой будто смахивает с нее пыль.

— Она тебя прощает, — переводит Семен.

А Марина уже быстро-быстро перебирает пальцами.

— Говорит, что зуб как раз шатался, и она боялась его

выдергивать, — продолжает бубнить Семен. — А тут как раз ты, ду... кхм... помог.

— Радуйся! — встревает рыжий. — Это Маринка просто добрая, а мы б тебе накостыляли!

Мелкота шустро рассасывается. Семен топчется рядом.

— Все понял?

— Все, — с усмешкой киваю. — Твоя группа поддержки была очень убедительна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.